

М.В. АМОСОВ

6 7 4 8

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Амосов

6748

«Автор»

2019

Амосов М. В.

6748 / М. В. Амосов — «Автор», 2019

Книга описывает путешествие королевы Кастилии Элеоноры к своему мужу из Франции до среднего течения Волги. Её муж, Царевич Илия, исполнял тайное поручение монгольских ханов. Главные герои: испанская инфанта Элеонора Кастильская, первая и единственная правительница Андорры, её муж Принц Илия из Уйгурии. Новгородцы: Василий Ушкуйник, Алексей Комнин, правнук императора, и монах Арсений. Князь Александр Ярославович Невский, поэт Саади. Содержит нецензурную брань.

© Амосов М. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Предуведомление .

Уважаемый ЧИТАТЕЛЬ!

Перед тобой тот самый случай, когда историческая правда краше вымысла!!!

Поэтому, девиз книги, -

Все, о чем знают историки, но бояться сказать.

Проведя значительную часть своей жизни в археологических партиях и серьёзно занимаясь наукой, я очень часто встречал явления, не поддающиеся объяснению. К примеру, как объяснить присутствие соли из Испании в Новгороде Великом в слоях 12-13 веков.

Такие находки делаются и поныне, но соль не отправляется на химический анализ, устанавливающий точное место её добычи – Иберийский полуостров. Это произошло после того как в 60 -е годы, в самый разгар очередного обличения диктатуры Франко Советским союзом, анализ был произведен, и по результатам данного анализа, на международной археологической конференции в Эрмитаже, было заявлено, что связи средневекового Новгорода с Испанией были взаимовыгодные и добрососедские.

После одной конференции Пиотровский старший имел несколько бледный вид, а материалы конференции были очищены от этой крамолы и приведены в соответствие с международными требованиями внешней политики пролетарского государства. После чего, анализ соли из Новгородских раскопов делать престали и в археологических отчетах писали соль из Старой Руссы. Хотя найденная соль, порой, была мелкая и розового цвета, и на Старорусскую крупную, серую никак не могла быть похожа.

Или, как объяснить находку воска красного цвета в Старой Руссе, в раскопе возле церкви Мины, в слоях 13 века. Всем известно, что тогда, в 13 веке, красный воск делали только на востоке, точнее выделявали из обычного серого в красный в Гренадском халифате.

Тут же можно упомянуть и находку части доспеха японского самурая, датированного 13 веком. Доспех был найден возле церкви святого Петра, что на Синичьей горе в Новгороде великом. Объяснить, как это все оказалось в Новгороде в непо потревоженных слоях 13 века затруднительно.

Из общеизвестных исторических фактов можно привести в пример, – это широкое распространение «Повести о Пресвитере Иоанне» в культуре средневековой Руси.

И что еще более интересно, в Средневековой Руси, в отличии от европейцев, не посылали никогда войска в помощь вымышленному пресвитеру Иоанну, но повесть знали и любили, и учили детей по ней истории и географии.

К подобным фактам относится и иконографические мотивы о Княгине Ольге, отдающей земли в управление лучшим мужам. На иконах 14 века, порой указаны точные границы угодий, по границам Новгородской и Псковских земель, причем списки икон, а их около 12, имеют отсыл к иконам византийского письма 10 века. то есть ко временам княжения Ольги.

Вот когда таких фактов и артефактов набралось достаточное количество я и решил их как-то объяснить, и в итоге появилась эта книга.

Книга поможет школьникам и студентам сдать экзамены по курсам: средневековой истории, философии, политологии, литературы, исторической географии и уже поэтому всегда будет востребована.

Дело.

В лето 6748¹ года от сотворения мира, на собор архистратига Михаила, в среду², в полуденной стороне притвора соборной церкви во имя святого Николая епископа Мирликийского, что на Ярославовом дворище, в Новгороде Великом, подле лестничной башни, томились ожиданием третьего: – Лёха Раскорякин, да Васька Беспалый.

Тихий и задумчивый осенний денёк, хотя, и радовал ждущих друзей, нежным предзимним солнышком, но уже явственно стремился к вечеру.

В притворе, освещаемом только двумя длинными и узкими окнами с круглыми, слюдяными, подслеповатыми оконцами, (в каждом окне их было по восемь штук³) царил почти мистический полумрак, изредка разрываемый мерцающим пламенем неугасимых лампадок. Могло показаться, что; тихая задумчивость, погожего, предзимнего дня и мистическовозвышенное настроение места – передались друзьям, стоявшим в стоическом молчании, среди умиротворённых ликов святых и праведников, смотрящих на них со стен притвора.

Однако это было не так! Кипучая жизнь Новгородского Торга, пробивалась в собор сквозь полузакрытые двери притвора то: в виде доверительного лика купца, в окладе из бороды и дорогой шапки: то; в виде розовощёкого, пухлого личика торговли орехами, чей ярко-красный парчовый платок, в лучах предзимнего солнца, горел ярче, чем золото на окладе круглой иконы святого Николы Угодника, заставляла друзей, томящихся ожиданием, больше думать о земном, нежели о прекрасном, и вечном.

Приближающийся час вечерней службы тоже добавлял суету. Служка – Степка Гнилое Ухо, сын того самого Гераськи Кособрюхого, которого в прошлом году трижды сбрасывали с Великого моста за пьяное словоблудие, и племянник самого Озария Феофелактовича – посадника Великоновегородского, уже четвёртый раз проходил мимо друзей, демонстративно задевая то одного, то другого локтями. Когда он, в очередной раз прошествовал мимо, якобы по поручению соборного попа. Васька Беспалый дал ему легкого тычка в бок, от которого Гераська согнувшись, всхлипнул. Затем Гераська, вдруг повернувшись задом к нашим друзьям, как заяц, в два прыжка, выскочил из притвора на церковную паперть, где и запричитал гнусавым фальцетом, – «Что ему весь правый бок в храме божьем отбили нелюди, и стал он, (бедный Стёпка) теперь, на весь свой короткий век, увечным».

Леха взглядом одобряя сию минутное действие друга, тут же спросил,

– И как думаешь, к посаднику сейчас жаловаться пойдёт или сразу вече Онополовских дурней собирать будет?

Васька огляделся, потом прищуря глаза, посмотрел, сквозь приоткрытую дверь, на Торг и ответил,

– Нет, к дядьке Озарию побежит, ибо на Торге, даже визгливая старуха рыбница в его сторону взгляд не кинула.

Потом, тяжело вздохнув, добавил,

– Все «Делом» заняты. Какое уж тут вече? Не до забав!

Лёха грустным и протяжным, – Да!!! – выразил своё согласие с мнением друга.

Потому, что и в правду «ДЕЛО» было, и «ДЕЛО» было немалое.

И уж конечно, оно было не того размаху, что, к примеру, касалось, одного Неревского или Плотницкого конца, или одной Михайловой улицы.

Это – «ДЕЛО» было большое и касалось всего Господина Государя Великого Новгорода, а если не лукавить, то и всей земли Великоновегородской со соседями! Вот!

¹ Т.е в .1240г. осенью (для особо одарённых, к дате от Рождества Христова или от начала нашей эры надо прибавить 5508 и получим искомую дату от сотворения мира!)

² 14 ноября старого стиля, Михайловский собор на следующий день поэтому и говорится **на собор** т.е. в преддверии собора, если бы действие происходило во время сбора то тогда было написано **в собор** Архистратига Михаила

³ Такое же количество оконеч обнаружено в окне собора Рождества Богородицы Антониева монастыря.

Как и всякое большое Дело это, – «ДЕЛО» началось с малого и почти незаметного для современников события.

В 6744⁴ году левое крыло монгольского войска переправилось через Волгу и взяло на копье город Великий Булгар, на зависть потомкам Всеволодовым⁵ – князьям Суздальским и Владимирским, сидевшим на Новгородском княжении, и самим давно хотевшим пограбить богатый Булгар совместно с новгородцами. Затем монголы напали на половцев и разбили их, уже на радость князьям Суздальским и Владимирским, так как сабли половецкие верно служили черниговскому отродью – потомкам князя Олега, которым, иногда удавалось занять престол Великоновгородский, а он, как известно всем на Руси, «был прежде Киевского»!

Вслед, затем, как-то вдруг, левое крыло монгольского войска с боями вышло на Дон и одновременно, их главные силы во главе с Бату ханом вторглись в Рязанское княжество и взяли штурмом Рязань. Это князей Суздальских и Владимирских Всеволодовичей немного смутило – Рязань – то ведь рядом. Однако, падение Рязани, в отличие от князей, Новгородское вече ни сколько не взволновало. И действительно чего волноваться-то им, самим – Великоновгородцам!?

–Князей и городов, и так, на Руси, хоть пруд-пруди.

–Какого князя захотим, того и посадим на престол, а какого не захотим на престол так того в поруб. Это наша воля, быть вольными во князьях, – так тогда рассуждали на Торгу заумники новгородские

–Ну, а городом больше или меньше, так это в руках Божьих! – вторили им монахи, подвизавшиеся у Никольского собора, и державшие соляные лавки там же – на Торгу⁶.

После Рязани монголы почему-то пошли на родной Всеволодовичам княжеский град Суздаль и сожгли его. Князьям Всеволодовичам это уже никак понравиться не могло. Поэтому главный Всеволодович – князь Юрий II (дурак и пьяница) отдал приказ оборонять столичный град Владимир, а сам ушёл собирать полки, на север, от Батя подальше.

7 февраля 6746⁷ года монголы взяли приступом стольный град Владимир. Во время, которого в подполе терема, усадьбы купца Авеля Славича, был раздавлен обломками терема, княжеский поп вместе с колоколом и казной Успенского собора⁸.

А 4 марта того же года на реке Сить монголы натолкнулись, именно натолкнулись, на стан ополчения собранного князем Юрием. Ополчение стояло без боевого охранения, и поэтому довольно быстро было перебито монголами. Князь пал в бою чем заслужил, если не славу, то и не порицание современников, – «Ибо мёртвые сраму не имут»!

Батый, не теряя темпа наступления, двинул железные, закалённые в боях тумены в землю Великоновгородскую, и встал у Торжка.

Получив известия, о бедах вдруг выпавших на их долю, равно как и на долю князей, Всеволодова колена, смущенные новгородцы вынуждены были отложить подготовку очередного оборонительного⁹ похода на Литву и собраться на вече, предварительно отправив в Торжок гонцов с наказом держаться¹⁰, если враг пойдёт на приступ, и ждать помощи от Новгорода. Жители Торжка поверили метрополии, за, что и поплатились. После двух недель осады взяв

⁴ 1236 г.н.э.

⁵ То есть потомкам князя Всеволода Большое гнездо.

⁶ Торговля солью очень прибыльное дело.

⁷ 1238 г н.э.

⁸ Это всё найдено владимирскими археологами, я сам видел и золото, и колокол медный. Плюгавенький он (колокол – естественно) какой-то.

⁹ Лучшая оборона, –нападение. Мудрость известная новгородцам всегда!

¹⁰ То, что гонцы беспрепятственно прошли в Торжок, лишний раз доказывает, что полной блокады города не было. Монголы просто стояли рядом в ожидании провианта.

Торжок, одним приступом, Бату хан двинул тумены на Новгород, но весенняя распутица остановила их у Игначь креста, и заставила отступить.

В Новгороде, новгородцы, получив известия об отходе Батыя, разошлись с вече, и с князем Ярославом Всеволодовичем владимирским направились в Святую Софию на торжественный молебен, по случаю избавления их от нашествия, – «Божьим повелением», после, которого стали продолжать, так некстати прерванную монголами, подготовку к оборонительному походу на Литву.

Однако некоторым новгородцам было всё же, интересно дознаться;

–Почему Торжок так быстро пал?

–По Божьему повелению, за грехи смертные, как Содом и Гоморра?

–И чего татары там две недели ждали; Божьего повеления или начала распутицы?

Так на Торгу «правдоискатели», выпив бражки, с хитрой улыбкой говорили, смущая каверзными вопросами невольных, богобоязных собеседников.

–Ведь, к примеру, почему на обратном пути в степи, часть монгольского войска семь недель не могло взять маленький город Козельск? После падения, которого там никого из жителей не осталось. Ну а Торжок всего за две недели взяли? Наверное, по Божьему повелению за грехи великие?

–И зачем монголы, уважительно, назвали Козельск – «злым городом», чем Торжок лучше, – А?

–Там праведников было больше? – вопрошали они далее.

–Или как? – допытывались другие.

Наиболее знающие жизнь новгородцы отвечали, до хрипоты в голосе, неразумным правдолюбцам – вопрошателям на Торгу,

–Да потому, что драться в Торжке никто и не хотел! Тем он и хуже Козельска!!

– Ведь Торговчане могли бы, и откупиться, выдав монголам овса и коней для всадников, (город-то богатый с каменными храмами) но их природная,– торговическая жадность, им сотворить благое дело, в своё же спасение, не позволила. Они ведь дурни как рассудили, Если мы под Государем Новгородом Великим, то пусть Государь Великий Новгород и платит откупного монголам, своим – дешёвым овсом.

В ответ, Новегородские торговцы житом, а именно житники – овсяники, услыша про дешёвый новгородский овёс, стращали новгородских граждан,

–Ага! Дешевого овса им туда дай. Самим овса тут, вообще, до лета не хватит.....!!!

В ответ житникам, смешливые умники говорили,

–Да вот, только, монголы посулы торговцев новгородских, не послушали и не послушают, если чего.....

–Вернее, острая необходимость не позволяла ратям долго ждать откупного из Новгорода, есть то хочется,– поправляли слишком уж зарвавшихся умников, десятники новгородских полков, со знанием дела.

–И через две недели Торжок Батый поневоле разграбил,– добавляли к высказываниям военных наиболее просвещенные. Этим тезисом, показывающим всем, остальным, – непосвященным, что им известно больше чем всем прочим, – остальным на Торгу.

Как уже было выше сказано, получив известия об отходе монгольского войска, новгородцы продолжили подготовку к походу на Литву. Поход прошел успешно. Ратники вернулись с добычей. Богато прожили год, и вот тут то, и была обнаружена, некая заминка.

Так вот, в это время, точнее за один месяц до описанного выше ожидания, двух друзей – третьего, младшенький из отпрысков посадника Озарии (его имя летописи не сохранили) захотел получить для забав своих отроческих: маленький щит и меч, с шеломом-мисюркой в придачу. Меч старшие братья выстругали из дуба, что вот уже как 3 года сох под навесом на их дворе, а вот со щитом и шеломом-мисюркой вышла незадача. Отрок хотел щит и шлем как

у папы, то есть щит с блестящим окладом на червлёном поле, а шлем-мисюрка непременно, чтоб блестел на солнце.

В день святых мучеников Сергия и Вакха¹¹ старшие братики собрали кое-чего из сладкой снеди, для посулов кузнецу, и пошли через мост ко святой Софии, что бы там, на Прусской улице, вдоволь поторговавшись с кузнецом, оговорить время выполнения заказа. Вернувшись к вечеру, домой братья стали рассказывать тятю про дело дивное, приключившиеся с ними у кузнеца.

В тот день Кузнец Сима Прушанин сладости и заказ взял, только выполнить, его – заказ, обязался никак не ранее чем после Рождества Христова, да и то за большую плату, чем братьям хотелось ему платить. Сима всё объяснил просто,

– «То – на татары, то – на Литву идти надо. Железа не привезли ни немцы, ни Рушане».¹²

Где в Новгороде искать хорошее железо он не знает, но если братья хотят быстрее, то надо идти к дому святого Олафа¹³, и купить железо или железный лом у варяжских купцов, пока ещё те не уехали на Готланд в Готы.

Купцы двора святого Олафа из уважения к положению Озария Феофелактовича пустили братьев в Ропату¹⁴, где на первом этаже, под каменными сводами, хранились товары. Однако всё, что могли они предложить братьям, это иглы и несколько серпов из местечка Золинген. Братья печально, без покупок, пошли на Немецкий двор. Но там выбор был ещё беднее, всего несколько дверных петель и два железных обруча на бочку, правда, большую.

– Не сезон, – просто объяснили немцы.

Пока солнце еще не село, братья бегом, сшибая углы, по кривой Михайловой улице вернулись к Готам. Но там староста церкви святого Олафа, уже не открывая ворот, ответил им отказом, так как слуга Никиты Захарьевича из Кучковичей, уже отвешивал серебро за серпы и иглы. Более железа на продажу у купцов не было. Пришлось братьям брать займы, у попа Пятницкой церкви, две чушки новгородского болотного, кричного железа, да и то с большими уговорами, и на кабальных условиях вернуть в два раза больше чушек через три недели!!!!

Казалась мелочь, незадача, но на следующий день тятя – Озарий Феофелактович, следуя какому-то наитию, отправил своих людей скупать железо по всей волости. А если получится, то и на княжеском кормлении железо скупать. Через три дня, посадские люди с Торговой стороны, уже отчаянно торговались с Рушанами в Старой Руссе за кричное железо. А более смелые, собирались в ватаги, чтобы дойти до Смоленска за железом. Хотя толком никто ещё и не знал для чего, именно сейчас, железо понадобилось и кому. Но, видя пример Озария Феофелактовича и Никиты Захарьевича, что из Кучковичей, народец новгородский смекнул, что,

– «...оно им очень надо и его им надо много...».

Постепенно вся Торговая сторона, а за ней и Софийская поднялись на поиски железа. Искали, где только можно и где не можно; – в соседском дворе, на Пробойной улице, или на дворе архиепископа Спиридона, среди яблонь Райского сада, что с северной стороны Софийского собора.

Наиболее деятельные или лучше сказать бесстыдные новгородцы, в поисках сокрытого от глаз людских железа, лазили даже в колодезь святителя Никиты, находящийся против бани, построенной, согласно преданию, самим святителем Никитой. Такие деяния, конечно, не нравилось архиепископу Спиридону, любившему париться в мыленке, в окружении колон красного камня, подобно тем, что были в банях Царьграда¹⁵!

¹¹ 7 октября

¹² Жители Старой Русы.

¹³ На Готский двор.

¹⁴ Что-то типа башни Донжона, но в городской усадьбе.

¹⁵ Конечно, преувеличение. Банька была максимум 5 на 6 или 7 метров, но колонны были, хотя и маленькие.

Но, полное железное сумасшествие началось через неделю, точнее, на день Святого мученика Ерминингельда, царевича Готфского¹⁶, тогда когда Васька Беспалый привёз купцам двора святого Петра, солёной красной рыбы, и живой стерляди по уговору, для пропитания. Произнеся клятвы; верности и честности, в торговых делах, он по древнему обычаю обильно подтверждал пивом и вином истинность своих клятв, и заставлял делать тоже самое, и старосту двора святого Петра.

Староста, от такого количества «истинности и честности» не удержался, и с благодарностью за личное уважение и честность в торговых делах, сказал Ваське, по секрету, «...что у купцов иноземных железа нет, и ещё долго не будет. Всё железо ушло на подготовку к войне с неверными, в Святой земле и к отпору неверным в самой Империи Великой Германской нации. Император (Великой Нации) собирает воинов на борьбу с неверными, стоящими уже на границах лённых земель, и если», – тут староста перешёл на шёпот, – «Басилий захочет – то староста, письмом к имперцам, расскажет о благородности Басиля, и Басиль, попав на службу к императору, прославит своё имя». В благодарность за «великое ручательство» перед лицом имперских чиновников, в честности «друга Базиля», староста просил лишь пустяк – солеварницы Васькины, в аренду годов на пять – десять, под десятину от доходов в год!

Василий к имперскому предложению, старосты отнёсся спокойно, ему за эти солеварницы, лет шесть назад, и невесту из-за моря предлагали, чуть ли маркграфиню из Ютландии, родственницу Гиты Гарольдовны, матери князя Мстислава Владимировича. Однако, про то, что заморское железо ушло на войну с неверными, он сделал пометку на бересте, чтобы не забыть назавтра. Проспавшись, на следующий день, после молитвы Николе Чудотворцу он, никому ничего не говоря, поднялся вверх по Волхову, затем, пройдя по Ильмену 20 верст к своим рудознатцам, на тайную заимку, дал им наказ заложить ещё восемь железоделательных печей. Вернулся Василий, на следующий день, тайно хоронясь по берегам Волхова, однако не уберёгшись.

Гераська Кособрюхий увидев его лодку, крадущуюся по течению по левому берегу Волхова, заросшего кустарником, на закате. Побежал сразу к Озарию, делиться добытой новостью, что богопротивный Васька Беспалый Колмовчанин ходил куда-то по тайным делам, а не по бабам. Сам-то Гераська, до того как увидел лодку Васьки Беспалова, второй вечер сидел на берегу Витки¹⁷, якобы для починки рыбных ловов, но его сухие; порты, сапоги, рубаха, и осенний холод, говорили всякому прохожему горожанину, что Гераська тут не праздню ловы чинил, а чего-то удумал.

На самом деле Гераська ничего не удумал и не замыслил. Он вообще не любил думать, мыслить. Он любил только; сытое богатство, да женщин, пользоваться. Получив в наследство от родителей достаточно добра для безбедной жизни, он своей дуростью, пьянством и своеобразием чуть не растерял все, и чуть не пошёл по миру, если бы не брат Озария, который спас Гераську женив его на тихой и покорной девице Веселице Гюргевне с приданным. Однако Гераськин дурной характер и леность ума свели в могилу его жёну в три года, и оставили Гераську без сладострастия на ночь. Пропустившись без женской ласки три месяца, Гераська женился еще раз, на Меланье из Плотников, (опять по слову Озарии) но через восемь лет и она преставилась. На отпевании знающим людям казалось, что она благодарно улыбалась богу за долгожданный покой в домовине. По истечении трехмесячного траура пошел Гераська в третий раз к брату, за новой женой, но получил отказ. А, что бы он более не отнимал у брата время своими глупыми просьбами, он получил в ухо от брата.

– Для доходчивости, – так пояснил Озарий.

¹⁶ 1 ноября.

¹⁷ Витка – ручей, там сейчас церковь Иоанна Богослова!

Тогда Гераська сам решил найти себе жену, причём именно вдовицу, но чтоб с детьми и непременно крепким хозяйством, и с людьми дворовыми. Так, что бы ему – Гераське ничего по дому не делать, а только гулять по Торгу, целыми днями, в красивой рубахе шитой шёлком!

Обладая недалёким умом, он выбрал себе в жёны прелестницу Людку – вдовицу Иванову, что жила на Витке, в тереме, и держала большой двор, с коровами, и прочей живностью. Правда, сама вдовица не знала, что её вдовью жизнь хочет украсить теплом и любовью, достойный муж новгородский, родственник самого посадника, и поэтому жила спокойно, не хоронясь от людей, принимала гостей, и угощала их подовыми пирогами с мёдом.

Гераська, месяц мучился думами, но как-то вдруг, дошёл своим умом, что не всё у Людки гости как гости, но есть и те гости, что ему в его сватовстве помешать могут. Поэтому-то сел он на Витке, якобы ловы чинить, а сам всё присматривал, кто из гостей вечером придёт, а утром уйдет. Такого гостя он непременно запомнит, возведёт на него напраслину, перед посадником. Гость Людкин вестимо испугается посадского суда, и убежит от Людки. А он, Гераська, в это время сватов зашлёт, и женится на вдовице и её хозяйстве.

То, что всё замышленное им, больше похоже на бред, так как вдовица была хороша, умна и богата. А многие посадские дети – молодые и красивые донимали её, предложениями, и посулами семейного счастья, вот уже второй год, и возводить напраслину ему продеться на пол Новгорода, его не интересовало. Сам Гераська на такие мелочи не отвлекался. Занятый своим делом он казалось, забыл обо всём на свете. Случайно выследив Ваську, он резво побежал на двор брата, оставив без призора на берегу Витки лодчонку и инструмент, взятый у брата для починки ловов, на время, под залог.

Уже в Плотниках, он на бегу, в мечтах, представлял себе: как челядь Озари, услужливо откроет ему ворота, как поднимется он к брату на повалуши¹⁸, как войдёт в горницу, и расскажет всё о Ваське. В благодарность за службу брат, конечно же, пригласит его к столу, сам ковш с мёдом хмельным поднесёт, а челяди накажет, строго-настрога, называть Гераську только по отчеству – Феофелактовичем.

Когда, через полчаса, мечтательный Гераська, запыхавшийся и потный, ввалился на усадебный двор, терема Озари. Терема, что стоит на Славнее, чуть левее каменной церкви Усекновения головы Иоанна Предтечи, для рассказа о Васькиных тайнах, после которого он рассчитывал получить, в благодарность от родственника, два или три ковша хмельного мёда или, на крайний случай, приглашение к столу.

Он, непонятно почему был обижен:

холодностью челяди Озари, которая почему-то: не сразу открыла ему ворота;

и холодностью кровного родственника Озария, который почему-то так обжёг его высокомерным взглядом, когда он попытался сесть за стол, где уже дымились каши и стояли ковши с медами и квасом, что Гераська, от обиды, выскочил из терема и долго, сиротливо стоял посреди двора, глотая осенний воздух, пересохшим от обиды ртом, не понимая, что делать:– сейчас идти топиться или сначала исповедоваться.

Сжалился над ним несчастным и убогим, повар Якун Григорьевич, взмахом руки, позвавший Гераську на кухню.

Сидя за кухонным столом Гераська, со вниманием и почтением, слушал рассказ всеми уважаемого Якуна Григорьевича о событиях этого дня. Выпив второй ковш мёда, против сухотки в горле, повар излагал события с пугающей достоверностью в лицах.

¹⁸ Повалуши – то же, что и полати, что бы дым не ел глаза, новгородцы первый этаж терма отводили под печь, для отопления. На этой печи ничего не готовили, она топилась по-чёрному, горячий воздух нагревал перекрытия между этажами и на втором этаже, в горнице терема было тепло и бездымно, пахло лесом, Готовили в отдельной избе во дворе усадьбы

–..ну вот, ты, Ерась, – глянь, внимательно во двор. Видишь темень. Вот. Я встаю всегда, когда темно, а летом не ложусь вообще. Пока солнце светит, повар должен готовить, за лето на всю зиму, чтоб в темень зимой спать, и свет не жечь.

Григорьевич хлебнул, закусил красной рыбкой, продолжил:

–... но сегодня за водой пошёл. Собак привязал, вышел и смотрю возле Ивана на Опоках, огонь горит, а людей нет. Чудо!!! Вернулся я, голову в кадку с водой окунул, уши снегом натёр, снова вышел. И вновь, «чудо»– свечи горят, а людей нет. Перекрестился я, кочергу взял, на свет пошёл. Подошёл и вдруг вижу, а у церкви люди, снегом занесённые, стоят на коленях и тихонько так поклоны бьют, как будто молятся, а попа-то рядом и нет. Я к Озарии, бужу его, говорю ему о людях чудно-странных, тихо выходим с челядью и топорами, подходим, и тут в слабом свете свечи узнаю Гервасия и Протасия Онаневичей. Еле углядел в темноте. Топор опустил.

Тут Григорьевич еще раз отвлёкся от рассказа для того, что бы капустки свежесквашенной взять с яблочками.

– Озарий ко мне подходит тихонько-легонько, я ему указываю, на Гервасия, он тоже меч опускает, и легонько так за плечо Протасия трогает, и говорит тихонько-тихонько, «Ты ли это Тасий»?

Здесь повар попытался изобразить, как произнёс эти слова Озарий, но, сбившись на пьяный фальцет, бросил пытаться подражать господину. Затем, мотнув головой, продолжил сиплым голосом.

– А в ответ Протасий покачнулся и упал, ударился лбом о закрытые церковные ворота, – отметил повар не без скрытого сарказма.

– Озарий, то наш, тут испугался, перекрестился один я, – продолжил повар, – носом учуял, что пьяные они все. Пьяные, а потому дурные!!! Ну, тут потом, уж всех во двор занесли, на сене спать уложили. Всех двадцать пять человек, ага. Через час-полтора встали все к заутрене. Меня как-то забыли добрым словом помянуть. А, если бы не я, было бы кровопролитие в Новгороде, – закончил повар и, притомившись, задремал.

Пока повар отдыхал, Гераська сам решил вознаградить себя за совершённое им великое сидение на Витке и принялся, есть всё, что стояло на столе. Как-то: уточку, жаренную с кашей и грибами, лосятинку, варёную с травками и кореньями, стерлядь, притомлённую под сметанным соусом. Что бы еда в горле не стояла колом, он регулярно прихлёбывал из ковша медовуху, закусывая каждый глоток вяленой медвежатиной вместо хлеба. Через час, насытившись и разомлев от выпитого, Гераська потерял всякий стыд, и принялся громко икать от сытости и блаженства. Разбуженный проявлением Гераськиного удовольствия бытиём и миром, Якун Григорьевич с немалым удивлением обнаружил, что часть ужина исчезла, и нужно вновь открывать кадушку с медовухой, и лезть в бочонки с мочениями, ставить в печь каши, и колить на огне орехи для заправки. Стоически перетерпев разорение стола, Якун Григорьевич отпил немного из кадки холодной ключевой воды, привезённой с Хутынского монастыря, перекрестился на образа, освещённые тусклой лампадкой, заправленной конопляным маслом, принялся за дело и продолжил прерванный усталостью рассказ.

– Я то – думал, что ватага Онаневичей по утреннему холодку опять пойдет молиться в церковь Ивана на Опоках, благо она рядом, за углом. Однако Озарий приказал, «Гостей со двора не отпускать, опохмелить, но так, чтоб облик христианский не теряли и разумения тоже. Накормить. Потом, привести к нему. Затем натопить топить баню для дорогих гостей». Мне же дал наказ обед делать, «вельми силён». Я, конечно, сделал всё и когда в горницу вносили вторую смену горячих блюд, ну там, что пожирнее: утятинки жареной, свининки с кашами и взварами, сметанки с хреном, услышал следующее.

Тут Якун совсем перешёл на шёпот, и чтобы расслышать слова повара Гераська вплотную подсел к нему.

–Протасий Онаньевич говорил Озарию, – зашептал повар.

– Мы с батюшкой, после того как узнали, что нехристи Русскую землю разорили, решили помочь христианам в низовых землях. Чем бог нам дал, в тот год. Нагрузили лодочки четыре хлебом и житом, и пошли в низовые земли по большой воде.¹⁹ Людишки подобрались справные, помыслы у всех чистые, все хотели по своей воле во искупление грехов своих и человеческих сделать дело богоугодное: – накормить голодных, пригреть сирот. Через тридцать дней пути, уже на Волге, в сгоревшем городище встретили сырых погорельцев, строивших дома для деток своих. Жито им сполна отдали с одной лодчѐнки – то, всего-то за четверть гривенки.

Тут Протасий прослезился, а Озарий взволновался. Сорок пудов жита проданы по цене четырехсот, это не шутки. За такие деньги люди; на север идут за костью моржовой, дикие племена данью обкладывают и несут слово Христово нехристям, рискуя жизнью. А тут взял благословение у епископа, нагрузил лодочки житом и снедью, и на – получи богатство и благодарность, жизнью не рискуя.

Вытерев слѐзы, Протасий продолжил,

– Дело мы свое, богоугодное сделали, обеты кои брали, выполнили. Но самое главное случилось позже в июле, когда стояли мы куда ниже Ярославля. Гюргий, который в позапрошлом году чуть жизни не был лишѐн за разбой у Мстинских погостов, углядел на противоположном берегу обоз купцов болгарских. Мы с братом и всей ватагой решили обоз взять, что бы людей христианских, что в плену у неверных томились освободить. Дело было привычное, без крови обошлось. Правда, христиан в обозе болгарском не оказалось. Но так кто же знал, с другого берега не видно. Зато платья много взяли, кожи красной, пол золотого дирхема, и на том спасибо, как говориться. Вечеренку отмолились, и спать легли. А на утро вижу, всадник стоит и копьѐм в зад Герваськи тычит, будит, значит. Я за брата кого хочешь, прибью, ты знаешь Озарий, младшенький он, другого братца мне бог не дал. Вскочил я, кистень выхватил, тут меня и повязали, думал конец моей жизни пришел. Молиться стал, и Бог услышал меня грешного.

После этих слов Протасий всхлипнул и, выпив очередной ковш медовухи, утѐр усы бороду, и продолжил,

–Подошѐл ко мне вскоре человек в синем халате и жѐлтых портах, и через болгарина спрашивает, «купцы мы или разбойники»? Мы ответили, что мы есть, вольные купцы Великоновгородские, торгуем житом, хлебом, а по возможности христианские души у неверных выкупаем. Он, спросил ещѐ, «где товар?», мы ему свои шесть лодочек показали, товар выгрузили. Стоим смиренно. Молимся во спасение ангелу хранителю. Казни лютой ждѐм. Но видно не пришѐл еще наш час предстать перед Спасителем. Развязали нас, воды дали, есть усадили, потом торг начали. Дали они нам за товары по четверть гривны на уключину.

–Вот, что я слышал и видел. Потом пошѐл чистить рыбу к обеду и более ничего не знаю, – сказал Якун Григорьевич, давая возможность Гераське самому оценить важность сказанного.

Только Гераська думать над сказанным не стал, так как не хотел. Он просто залез в пустой ларь из-под ячменя и, выставив вверх ноги как оглобли, и уснул, до завтрава, в тепле и довольстве.

Озарий, сразу же, тогда, после услышанного, в отличие от спокойно чистившего рыбу повара, дух не мог перевести. Он взмок, покраснел и от волнения, вдруг по-козлиному проблеял:

– Вот и бааньякьяя приспеейела отогрейййитесь брааатики.

– Банька это то,..... она всегда....., а сейчас как дар божий,– нестройно, вместо благодарности, ответили Онаньевичи.

¹⁹ В 6647 г.

Как только братья с ватагой, гурьбой вывалились из горницы, и устало побрели на другой конец усадьбы в мыленку. Озарий опустил на лавку, обхватил голову руками и стал обдумывать рассказ, пытаясь отделить правду от пустого бахвальства и приукрашенной лжи. После получасового размышления Озарий вздохнул и, улыбнувшись, перекрестился на образа. Ему всё стало ясно и от этого полегчало на душе, и отпустило сердце. Не зря он дал наказ людям своим о скупки всего железа в земле Новгородской и если получится, то и в княжеском кормлении.

Вот, до чего дошёл Озарий собственным умом. Семейство Онаньевичей решило пройти путём войска монгольского и взять всё, что монголы взять не смогли, вернее сказать не успели. Озарий тут, кстати, вспомнил, как некоторые людишки никчемные на Торгу, еще с пол года назад, не в меру выпив пива, говорили мысли свои. Как сегодня выяснилось, иногда умные, о взятии Торжка монголами, или о божьем помысле, который не дал поганым взять на копье Новгород, – последнюю твердыню православия, на этом грешном свете. Особенно был благодарен он побирюшке из Торжка, который этим летом собирал деньги на восстановление церкви Илии Пророка, якобы поруганной погаными. Тот, откушав второй кувшин пива с солёными сухарями, обжаренными в гречишном масле говорил, на Торгу, стоя возле Пятницкой церкви, что, «поганые воевать, не хотели, много дней они стояли под стенами, словно зайцы трусливые, стрел не пускали, ибо Бог внушил им страх перед христианами. Но за грехи наши отвернулся Спаситель от Торжка и отдал нехристям поганым на разграбление и дома и храмы торжковских христиан, что Бога забывать стали».

Озарий припомнив это, понял монголы – люди и рисковать без большой надобности своими жизнями они не хотят, как и все. Следовательно, как и все хотели добра, и жита, и коней подковать, и детишкам своим подарки привести. А если так, то многое чего монголам дать было можно, особенно то, без чего конница идти не может – овса и железа.

Первыми в земли разорённые сунулись Онаньевичи. Просто им повезло. Точнее, они идти в Литву отказались, опасностей убоявшись. А там, в низовых землях, опасностей нет, а всё есть. Это – «Всё» – лежит, себе, под синим небом, – ничейное добро без призора, а воинов стеречь нету. Они же с оружием, и первыми гибнут – дурни.

Вытянув последнее у погорельцев на Клязьме, ватага Онаньевичей пошла дальше в низовые земли. Где-то на Волге нашли еще две ладьи, или отняли их у кого-то. Затем, сели в засаду, пограбили купцов болгарских, потом, на радостях перепились и уснули, и были пойманы монголами, которые «купцов» не казнили, а за товары, а именно за железо и овёс, хорошо расплатились. Теперь, тут в Новгороде, Онаньевичи сами, без Иваньского сто, кораблики построить смогут, охрану нанять, и пойти в готы или еще, куда за товаром.

–Ну и пусть строят – решил Озарий.

Он же, сейчас же, сам пойдёт к купцам «Иваньского сто», в заклад внесёт десять гривен, соберёт ватаги людей охочих, часть оных направит в поднепровье, другую в низовые земли. Через год возьмёт в прибыль себе за одну гривну десять и станет вновь посадником, по просьбе богатых и сильных мужей новгородских.

Не теряя времени на переодевание, из домашнего в нарядное. Он в лёгкой беличьей шубе вышел на улицу и скорым шагом направился на Петрятин двор, где стояла, сияя золотым куполом церковь «Во имя усекновения головы Иоанна Предтечи», в простонародии называемой «Иван на Опоках». В притворе он сел на лавку и приказал церковному службе – Бориске Кадильщику выгнать всех кроме именитых купцов. Внимательно проследив за исполнением приказа, он сам, взял ключи у церковного старосты, пошёл закрыть все двери, и только убедившись, что никого нет; ни в алтаре, ни на полатях, он поведал братьям купцам свой план и свои помыслы.

К обедне охрипшие и красные от напряжённого торга, купцы составили грамотку, что расходы по общему «ДЕЛУ», и прибыль делить будут сообразно взносу – поровну, что детей,

если осиротинит кого судьба, без хлеба и жита не оставят. С третьим ударом колокола Николодворищенского собора, они: поклялись в этом на Библии, открыли церковь и, выйдя на высокое крыльцо, что с полуденной стороны церкви, прокричали людям новгородским своё желание, идти в низовые земли ватагами для защиты сирых, и для помощи обездоленным христианам. Все кто захочет в «ДЕЛО», могут идти с купцами Иванскими, но только со своим житом и оружием, собравшись в ватаги. Причём ватаги уличане должны составить сами, а списки ватаг по десяткам представить в «Иванское сто» загодя, чтобы грешные люди, несущие епитимью, богоугодное «ДЕЛО» своими грехами не ославили.

К четвертому часу пополудни случилось непредвиденное, летописцами неописанное, по причине своей фантастичности, событие, которое никогда – за всю историю новгородского Торга не случавшиеся ранее, и не повторявшиеся более, за всю историю летописания на Руси. Торговцы хлебом, житом, кожевненным товаром закрыли свои лавки среди дня по причине полной распродажи добра. Хозяева широким жестом открывали прилавки, показывая наиболее настырным товароискателям, что товара вообще нет. Удивлённые покупатели смущенно толкались по опустевшим рядам, не зная, что делать. Цена, увеличенная даже впятеро, не давала возможности купить овса, хлеба, сапог. Шум, гам и гвалт неожиданно поутихли, и казалось, что лавки сиротливо смотрят, на опоздавших покупателей, глазами пустых полок, плачущих от бессилия и позора. Потому что деньги остались в кошельках, и карманах покупателей, а не были оставлены на прилавке в уплату за товар, как было всегда прежде.

Вдруг, словно вспомнив нечто важное, остро необходимое для жизни, народ новгородский валом повалил с Торга в церкви и монастыри на вечерю, для покаяния. Наиболее ретивые и буйные христиане новгородские заставляли попов открывать двери даже в полузабытые престолы, где служили только по престольным праздникам, да и то не всегда. В каменной Михайловой церкви, что на Прусской улице к уличанскому попу Иосифу Рушанину выстроилась очередь на исповедь, чего никто припомнить не мог. Даже старая ведьма Фотина с Пробойной улицы и та пришла каяться батюшке в том, что в прошлом году она своей соседке Таньке в запаренное тесто дохлую мышь бросила, для того, что бы всю Танькину семью изничтожить. Потому, что Танька – «курва и дура, и живет она – Танька, на божьем свете для греха и разврата»!

Клир новгородский зная буйный нрав своей паствы, не мешкая, отправил ходоков в Юрьев монастырь к Спиридону Архиепископу Новгородскому и Псковскому, с вопрошением,
– Что делать Отче?

Архиепископ в тот день постом и молитвой замаливал грехи своей паствы в Перыньском скиту, в благочестивом уединении. После вечерней службы, когда владыка, пребывая в том лёгком состоянии духа, который бывает у верующих людей после искренней и чистой молитвы, хотел почтить пред сном «Стефанита и Инхилата», в его келью со стуком, и вздохами сиротливо вошли посланники от уличанских попов, с известием о великом покаянном подвижничестве паствы новгородской, случившимся перед вечерней службой, после призыва купцов «Иванского сто» о «ДЕЛЕ» -помощи христианам в низовых землях от неверных пострадавших.

Внимательно выслушав ходоков, владыка, немного посуровев лицом, стал собираться в Новгород. Ходокам он дал наказ, всех семь попов соборных к нему в терем, что у святой Софии собрать. Затем сел в сани и приказал вознице вести скорее, не по хорошей дороге заезжая в Аркажи, а через болото, укорачивая путь вдвое. Он первым приехал к терему, где в нетопленной светелке пришлось ему ждать священников с подробным докладом об очередном умопомрачении новгородцев. Владыка порядком продрог, пока ждал пастырей соборных, и пока челядь протапливала холодные печи в тереме.

Сначала пришли священники Софийской стороны, затем Торговой, особняком, таясь от взора владыки, словно чувствуя свою вину, вдоль стенки проскользнул Пантелеймон – поп соборной церкви Во имя Усекновения головы Иоанна Предтечи, что на Петрятине дворе.²⁰

Первым, по чину, начал рассказывать о случившемся отец Никодим – священник Николодворищенского собора. Потом отче Киприан из Пятницкой церкви. Когда очередь дошла до отца Пантелеймона, то он сказал, что его сегодня в церкви не было и обращение «Иванского сто» с «ДЕЛОМ» к новгородцам было сделано без его благословения. Поэтому ему сказать нечего, и на всё воля божья.

Немного позабавил владыку Иосиф Рушанин рассказом о запоздалом покаянии старухи Фотины.

Когда последний священник отчитался об отпущении грехов на вечерней службе, в светелке уже потеплело, и, владыка спросил у «собора»,

– Отменяем епитимьи, братия?

– Надо бы, – ответил Никодим священник Николодворищенского собора.

– Согласны, – загалдели чуть ни в один глас другие.

И только служка Софийского собора, вдруг сказал не подумав,

– К князю послать надо, к Александру Ярославичу, на Рюриково городище. Вдруг суд да дело?

– Князь пришёл, князь ушёл. Нам же надо о стаде заблудших душ думать. Зима долгая, праздников много, без рукобуйства не обойдётся. В прошлом году семерых отпели. А, которых не смогли найти? Тех Волхов схоронил, да рыбы отпели? Кто ответит? Пусть по «ДЕЛУ» идут, товар искать товарищи-ватажники, спокойней всем будет, – ответил Спиридон.

– Эти уйдут, другие придут. Вот ватага Онаньевичей уже двор Озарии Феофелактовича погромила, Завтра на правёж к тебе владыка, придут за правдой, – отметил Пантелеймон.

– Пусть идут. Лучше, когда дворы посадников ломают, чем мосты, – ответил Владыка Спиридон, намекая на прошлогоднее зимнее буйство, когда Прушане в драке с Онополовцами Великий мост через Волхов за полчаса разметали.

Священникам сказать в ответ было нечего, все до самого лета на лодочках через Волхов катались, а о зачинщиках безобразия так ничего и не вывели. Пришлось на деньги Софийского собора мост восстанавливать, ибо уличане, как те, так и другие, вины своей не признали и пени платить отказались.

Владыка встал, опершись на посох, и сказал,

– Все грехи, кроме смертных, товарищам – ватажникам отпустить, кои завтра придут на утреннюю службу. Препятствий в устройении ватаг не чинить, долги в пользу сирот у товарищей – ватажников взыскать, если есть, если нет, то благословить всех и молебен за успех «ДЕЛА» отслужить во всех церквях земли новгородской. Князя не тревожить, не его это дело ватаги собирать, его дело суд вести, да землю оборонять.

Отпустив священства, владыка Спиридон, встал на колени перед святыми образами и всё оставшееся до рассвета время, молился о вразумлении христиан новгородских, и о спасении душ заблудших, не забывая упомянуть старуху Фотину.

Любил Владыка Спиридон всех людей, а паству свою новгородскую особенно.

Озарий Феофелактович уставший и довольный, не очень беспокоился о последствиях начатого им «ДЕЛА», вернулся домой, где ватага Онаньевичей упитая до положения риз, разгулялась во дворе терема, била посуду и лезла к дворовым девкам под юбки не без согласия последних. Несколько наиболее честных отроков, посмеявшись заступится за красных девок Озарьевых, получили в зубы и, скуля, от обиды и боли, сидели под лестницей терема. Оглядев свой поруганный двор, гостеприимный хозяин подошёл к поленице, где выбрал полено

²⁰ Это одна и та же церковь более известная в народе как Иван на Опоках.

поухватистей и принялся им гонять гостей по двору для их протрезвления и вразумления, пока всех не выгнал. Дав последнего пинка Геврасию Онаньевичу, ошалевшему от: бани, мёда и хозяйских побоев, он сам закрыл за ним ворота. Потом пошёл проверить кухню, где, за закрытыми дверями, нашёл Якуна Григорьевича вооружённого кочергой и готового защитить от пьяного сброда хозяйские соленья, мочения и блюда, предназначенные на ужин. Поблагодарив повара за верность, слегка прижав его к груди, Озарий спросил:

– Где брат мой Герасий?

Якун честно ответил ему,

– На Витке, Людку вдовицу бдит.

Озарий обозвал, в сердцах братца – «придурком», но вида не подал и пошёл в терем руководить наведением порядка, да жену, детишек и девок красных лаской успокаивать.

Вот почему несчастному Гераське ворота никто сразу не открыл, вот почему брат родной – Озарий одним взглядом выгнал его голодного из – за стола во двор, где приютил его благородный повар Якун Григорьевич на ночь.

Утром, немного сменив гнев на милость, Озарий велел слугами найти никчемного брата своего Герасия. После утренней молитвы, найденный, Герасий, спросонья не понимая, что к чему, глупо смотрел на образа, что в горнице Озария, и умильно улыбался, слушал наказ брата.

– Сына своего Степку возьми, по городу, по церквам походи, Ваську Беспалого найди. Как найдёшь, сына сторожить оставишь, сам же ко мне лети быстрее мысли. Я потом скажу, что еще делать.

Не осознав до конца, зачем и почему это надо было делать, Гераська ответил,

– Ясно. Только кушать хочется и с утра тоже, особенно тогда, когда вечером постился! – ответил брату Гераська, намекая на грубое поведение брата накануне.

– Ну, иди, съешь, чего там, у Якуна, осталось с вечера, – ответил брат.

Часа через два, уже ближе к обеду, Гераська Кособрюхий вместе с сыном Стёпкой Гнилое Ухо вывалились на улицу, и пошли искать ветра в поле, то есть Ваську Беспалого в Великом Новгороде. Полдня, бесцельно протолкавшись на Торгу в толпе, они после обедни зашли в соборную церковь во имя Николая Чудотворца, что на Ярославовом дворище, дух перевести, где вдруг наткнулись на Ваську Беспалого и друга его – Леху Раскорякина.

Друзья в молчании стояли, в полуденной стороне притвора церкви, подле лестничной башни, как будто ждали кого.

Герасий стараясь быть невидимым для друзей, проскользнул серой кляксой вдоль северной стены притвора к свечному ящику, где служка Варавва собирал записки на требы и давал свечи в обмен на пряслица из галицийского красного шифера. Там он спросил, у Вараввы кто служит сегодня и, когда услышал в ответ, что не чужой – соборный поп, а свой – уличанский батюшка Лука, с радостью выскочил из притвора через западную дверь на гульбище. На паперти, он наказал сыну, готовиться к службе. И выведать: о чем говорят, кого ждут друзья, томясь ожиданием? Дал на эти цели целых три пряслица. Сам же он побежал к Озарию с сообщением о том, где находятся Васька с Лёхой, и с вопросом, что ему далее делать?

Стёпка, оставшись одним, сразу бережно спрятал одно пряслице в отворот шапки для срамных целей. С некоторых пор ему как-то становилось не по себе, если смотрел он на женское тело в бане. Особенно волнительно было, если смотрел он на молодку. Друзья его давно уже вкусили радости сладости плотской и от сладострастных снов страдали меньше, так как довольно часто захаживали на Гзеньскую слободку к скоморошьям дворам, где за три–четыре пряслица можно было утолить голод сладострастия либо с девкой незамужней, либо с молодой вдовицей (век мужа-скомороха короток). Стёпка же на Гзеньку не ходил, он все денюжки тратил не мёд, кувшин, которого он выпивал в тайне, от чего ему становилось на душе легко и казалось, что из уха больше гнилью не тянет, и все его за это любят. Он так бы и жил дальше, без особых проблем, заглушая зов плоти мёдом. Однако с месяц назад, в бане он увидел моло-

дую девушку – новую прислужницу Озарии и любовное томление в низу живота так скрутило бедного отрока, что не давало ему спать ночами вот уже недели три. Исповедь тоже не помогла, покаянное стояние на молитве ночами, казалось, только усиливало похоть. В конец измучившись, он решил, что поборет страх перед неведомым, накопит денежку и сходит, наконец, на Гзеньку – свой блуд потешить, а, что бы из уха не воняло, и не текло, во время греховного действия, он крепко заткнёт его воском.

Потом, войдя в церковь, он другое пряслице отдал службе Варавве в плату за то, что он вместо него служить будет. Последнее пряслице он отдал «своему» попу уличанскому – Луке, для нужд сугубо церковных. Облачившись в церковное поверх простого платья, он, изображая благочестивое усердие и рвение слуги господнего, ходил, чуть не бегая от алтаря до паперти и обратно, с каждым разом всё ближе подходя к друзьям, пока легким тычком в бок Васька Беспалов не выбросил его на паперть.

Поорав и наплакавшись вволю Стёпка, вместе с толпой новгородцев, желавших получить отпущение грехов, через западные двери, проскользнул обратно в собор, и, протиснувшись к алтарной преграде, сразу стал жаловаться «своему» – уличанскому батюшке на «чужого» – колмовского Ваську, и его друга. Отче, выслушав отрока, подумал, было о наложении епитимьи на грешников, которые в божьем храме, перед службой, бьют служителей господних, пусть даже таких худых, и никчемных как Стёпка. Но когда увидел, большую толпу, страждущих богомольцев смиренно ждущих начала службы, вынужден был отказаться от этого, и задуматься с чего бы это, в этот не праздничный день, людишки пришли грехи замаливать, и прощения просить. От греха подальше, а точнее от незнания как поступить, и, что бы не впасть в ересь, Лука послал монаха Макария, который умнее служки и дьяка вместе взятых, в Юрьев монастырь к Владыке Спиридону с известием о событии, и с вопрошением, – Что делать ему неразумному далее?

Сам же он приступил к началу службы, а когда под своды собора вознеслось: «Возрадуется душа моя о Господе...», отче уже ни о чем уличанском не думал, а радовался возможности обращения к Богу – невинно – как ребенок, получивший первую материнскую ласку.

Когда народ великоновгородский нестройною толпой ввалился в соборную церковь, Васька с Лёхой вынуждены были крепко оперевшись ногами, работать локтями, чтобы толпа не сдвинула их, с оговорённого, места встречи, подле запертой, окованной медными листами двери, ведущей в лестничную башню, и не растоптала короба со снедью и напитками, заботливо охраняемые хозяевами.

Ожидание, которым томились друзья на ровном месте, из обыкновенной встречи превращалась в какое-то странное действие, где любое действие, с каждой минутой становилось всё более и более необычным. А любой поворот событий мог привести если не к смертельной опасности, то к неприятностям с церковными властями, это уж точно.

Первым, умом потомственного ушкуйника, это почувствовал Васька и немедля ни единого мгновения, стал искать место для незаметного, но скорого отхода с занимаемых им, в купе с Лёхой, позиций.

Его немного беспечный друг ворчливо басил, отталкивая, чью-то наиболее активную спину, которая норовила слишком уж сильно прижать его к двери лестничной башни и раздавить, заботливо оберегаемый берестяной короб с яблоками и чем-то ещё вкуснопахнущим, но не видимым,

– Не зевай Василь. Короб береги. Ногой, ногой его под зад толкни. Чего он спиной к алтарю лезет?–

Васька вытёр пот со лба и сказал,

– Уходим Лёша!!!!

– Зачем, куда, а служба как же!?!– Удивился Алексей

– Какая тебе служба, на службе, молятся, поклоны бьют. А ты, пень корявый, как молиться будешь, как поклоны бить? Мозгами раскинь, теми, что еще остались, или совсем трудно?– сказал Васька, который был повыше Лёхи и поэтому без труда, поверх голов, увидел, как в открытые западные врата храма протискиваются еще люди.

– Тут же скоро лицом в зад соседа тыкаться будут при поклонах,– сказал он, – а, Лёш???

Лёха посмотрел кругом и когда ничего кроме спин, и голов новгородцев вокруг не увидел, еще сильнее стал отпихивать страждущих общения с богом граждан Великого Новгорода от двери.

–Ага, особенно приятственно будет, вместо лика Святого, лицезреть обширный зад купца, и бога молить, не о спасении и прощении души богом данной, а о том, что бы купец не испускал особо сильные, пахучие ветры своим афедроном, – пояснил печально Лёха.

Через минуты две, когда все пути к отступлению были закрыты, и батюшка готовился дать сигнал, крестным знаменем, певчим, к началу службы, а наши друзья явственно стали падать духом, и уставать от неравной борьбы с жаждущими благодати новгородцами. Дверь неслышно приоткрылась и рука в черном рукаве с силою, втащила их внутрь. Затем дверь так же неслышно закрылась. Всё произошло так быстро, что наседавшие, с трёх сторон, на друзей новгородцы не сразу заполнили, вдруг образовавшуюся пустоту подле двери.

На изрядно помятых друзей только, что побывавших в сутолоке, толчее и давке вдруг, неожиданно опустилась тишина и свобода. Они немного опешили. Со стены освещенной тремя свечами на них скорбно взирал лик жены Иова. От самого Иова остались видны только ноги, всё остальное изображение всем известного сюжета «Иов на гноище» было скрыто каменной лестницей построенной в притворе лет эдак тридцать назад. К нормальному восприятию жизни их вернул голос, принадлежавший одетому в чёрную власяницу человеку средних лет с ехидцей вопрошавшему их,

–Бока-то болят или как?

–Счас они у тебя болеть будут, – ответил Васька.

– И, скорее всего, долго,– поддержал друга Лёха.

Вопрошавший, лишь мельком взглянув на крепкие полные сил и воли к жизни фигуры друзей, спросил вновь, не меняя ехидного тона,

– Морды будем в святом храме бить или на улицу выйдем?

Друзья переглянулись, в храме морды бить невозможно, а на улицу сейчас идти было нельзя. Слишком много ранее обиженных ими граждан Великого Новгорода, сейчас молились в церкви.

Три дня назад они, на князем дворе, после утренней службы, решили обсудить притчу об Иове. Спорили до хрипоты и крику, пока люди княжей сотни, конюх Константин да пекарь Василий, не попросили их вон со двора. Друзья долго спорить не стали и вскоре ушли. А конюх и пекарь сразу, побежали к князю с жалобой на увечья. Продолжая спорить, друзья дошли до Торга, где увидели только, что привезённые бочки с пивом. Когда друзья стали снимать пробу с вновь сваренного пива, спор об Иове многострадальном постепенно как то сошел на нет. Друзья, между пробами, стали обсуждать какое пиво, тёмное или светлое наиболее прилично пить в это время дня? Потом, для сравнения вкусовых особенностей темного и светлого сортов пива они пошли снимать пробу у другого торговца. Потом на Торгу Лёха повздорил с ониполовцами – он обозвал их дурнями, там же и подрался с ними, и был сброшен в Волхов с моста. В то время пока ониполовцы, в количестве пяти человек, били одного Лёху, друзья вдруг возобновили спор об Иове, и не пришли к нему на помощь. Духовный спор, двух знатоков святого писания, неожиданно закончился тем, что Васька сел, на землю изображая из себя покаяние прокаженного Иова, а друг его пошёл на двор к немцам нести слово божье схизматикам. Про Лёху плывущего вниз по Волхову среди мелких льдинок, друзья забыли.

Поэтому велика была вероятность того, что, к примеру, ониполовцы сегодня получив прощение и освободив душу от грехов, увидя друзей, вдруг вспомнят старые обиды и навалятся всей толпой. Убить то не убьют, но бока намнут, а это всё-таки обидно.

– Не для драки шли мы сюда, – сказал, взвесивший все за и против драки, Васька, – чего звал?

– По делу звал. Но для начала пойдём наверх там место есть, где сесть можно и закусить. Вы ведь не пустые короба носите, да и виделись мы давно, – ответил чернец.

– Да!!! Три дня великий срок. Шишка на лбу Коськи конюха и та еще не зажила. Пекарь княжий тоже ещё хромает. Или как? – спросил ехидно Лёха.

– Ты Леша сам то, в следующий раз, тоже поменьше мёда пей, а то простудишься, не лето ведь в Волхове купаться, – сказал церковнослужитель.

– Я и не хотел, ониполовцы заставили, их пятеро я один. А вы где были? Ну да конечно, вы книжки читали богоугодные, а нехристи, вроде меня, вам благочестивым людям должны вино и мёд нести, что бы у вас от споров в плотках не пересохло и мозги не высохли, – с обидой высказал наболевшее Лёха.

– Ладно, чего, пойдём, пока зовут, а то этот чернец опять всё выпьет без закуски, и опять пойдет на Готский двор схизматиков в лоно Православной церкви возвращать, – сказал Васька, намекая на душеную слабость их друга и на происшествие трехдневной давности.

Друзья.

Пока друзья поднимаются на полати, есть время рассказать о них подробнее. Из предыдущего изложения пытливый читатель мог: вынести предположение о том, что друзья имели довольно напряжённые отношения с гражданами Великого Новгорода, и объяснить данное предположение, пытливый читатель, мог тем, что наши герои не принадлежали к числу граждан Великого Новгорода. Действительно в приведённом выше тексте наши друзья ни разу не были упомянуты как принадлежавшие, к какому-либо концу, какой-либо улице, или усадьбе Великого Новгорода. Из этого факта следует утверждение, что ни один из них не был коренным горожанином.

И это была правда!

Вот Васька Беспалый, он же Василий Валентинович Колмовчанин по прозвищу Беспалый, он род имел древний и буйный.

Полулегендарные, устные источники гласят, что лет триста назад, где-то между 6370 и 6374г.г. от сотворения мира, и соответственно между 862 и 866 гг. от Рождества Христова за два поприща от Словенского холма, вниз по течению Волхова на холме, что на левом берегу реки появилась избушка, крытая тесом. Потом появились: двор с живностью, три сарая и баня. В год смерти Рюрика то есть в 6387г. и соответственно в 879г. все указанные строения были обнесены высоким забором с одними въездными воротами, украшенными затейливой резьбой. За забором угадывалось движение живности, слышалось глухое мычание, а вскоре раздался и звонкий детский крик.

Кто и откуда был строитель усадебки на холме посреди болот, никому не было известно, да и никого это не интересовало. Нового города тогда еще не было, стояли лишь несколько посёлков на холмах, да княжий замок в устье Волхова. Поселенец тихо хозяйствовал, дикую чужь не обижал, за хлеб платил маслом и сыром честно, в политику сам не лез, в общем, радовался жизни и никого не трогал. Однако, когда Олег собирался на Киев, поселенец пришёл к нему, чинно поклонился и попросил взять в дружину на общих условиях, то есть за долю в добыче. Так как он пришёл со своим мечом и щитом он был взят в дружину на общих правах. Его немного смутило, что, когда он произнес клятву верности Олегу, тот в ответ пробурчал, что-то, а не поклялся на мече. Тем не менее, он сел в лодью и спустился вниз до самого города Киева, где проявил себя мудрым воином, когда была заваруха с Аскольдом и Диром. Вернулся

он на свой холм года через два с нехитрым своим скарбом, как и уходил, но молчаливый и грустный.

Дальнейшие события описаны в летописи. (Мы приведём построчный перевод, выделив его курсивом.)

В лѣто 6431 [923]. Иде Олегъ от Игоря в Ладогу и прииде къ Колмове ; и колмовцяне замкоша Волхов, а град затвориша.

И вълѣзь Олегъ, и повелѣ не извълеци корабля на брегъ, и не повоева около Колмова , и много убиство хотел не створиша Колмовцянам, но разбиша многы свои лодыи.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ въставити корабля с отмели.

И бывъшу покосну вѣтру, и въспяша прѣ, и не могяше идоша от граду. И увидѣвше же, убояшася Олег, и рѣша, выславше къ Воям : «не погубляи аз; имемъся по дань, якоже хочещи».

И исъстави Колмовци воя; и внесоша Олег ему злато, и не прия его, бѣ бо устроено съ обманом. И убояшася Олеги, и рѣша : «нѣсть се Колмовць святыи Василий посланъ от бога на ны».

И заповѣда Васили за дань Вѣдасть ему села по Колмове и Вережке перевѣсища. Самъ же взя злато и паволокы , и возложи дань, юже дають и доселѣ княз рускому .

И рече Олегъ: «аще мя право просите, то пришлите ваш муж нарочиты, да в величѣ чести иде ко вашъ князь Игорьъ, понеже бо не пустятъ мене людье Игоревы . и вдаст вам уставе по земли».

«Потомъ» Иде Олегъ от Колмове в Ладогу .

Друзии же говорятъ , яко идущу ему за море, и уклюну змея в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозѣ.²¹

В лето от сотворения мира 6431 и 923 от Рождества Христова шёл Олег от Игоря в Ладогу и пришел к Колмову, колмовчане перекрыли Волхов, закрылись в своём городке, готовясь держать осаду. Именно так надо переводить в этом контексте словосочетание «град затовориша».

И приказал Олег корабли на берег не выносить, около Колмова не воевать, убивать людей запретил, так как многие корабли свои повредил.

Приказал Олег корабли с мели снять.

Не удалось корабли снять, и отойти от городка, и, испугавшись войны, Олег предложил откупиться.

Колмовчане послали воина, Олег предложил ему золота, но воин не принял золота и сказал, что всё это обман. Испугался Олег и догадался он, что в образе воина это сам святой Василий, посланный Богом к нему.

И наказал платить дань воину Василию и дал ему села по Колмову и до реки Веряжски. Сам же он отдал золото и назвал размер дани, которую все русски князья должны Василию давать.

Потом сказал Олег: если подтверждения просите, то пошлите вашего мужа к вашему князю. Игорь князь с великой честью его примет, меня же люди Игоря не пустят, и выдаст вам землю взамен дани, как и было, установлено ранее.

Потом Олег от Колмова отправился к Ладоге

Другие говорят, как ушёл за море, так укусила змея его в ногу, потому и умер он, могила его в Ладоге.

Переведем описанные в летописи события, на современный язык, используя сведения из других параллельных источников, таких как сказания и предания изустные²².

²¹ Новгородская седьмая летопись среднего извода Ивановский список.

²² Повелихинские списки с новгородских годовых записей. (Найдены и хранятся в г. Иваново в Бурылинском музее).

Где-то в 6417г. или 909 г. в соответствии с датировкой по Ипатьевской летописи²³, как кому удобней считать, когда Олег спешно спускался вниз по Волхову подальше от Новгорода в Ладугу, его караван из шести драккаров неожиданно был атакован, напротив Хутины, ватагой на десяти лодках долблёнках. Захватить драккар на десяти лодках было возможно, но трудно. Нападать на флотилию из шести кораблей, на каждом из которых было по двадцать опытных воинов и по двенадцать гребцов было самоубийственно. Однако как оказалось нападающих это не беспокоило, они крепко вопреки течению реки стояли на месте и держали строй в два ряда. Нападавшие, повинувшись ранее разработанному и как видно уже не раз отработанному плану, пропустили первый корабль, потом по команде пять лодочек рывком бросились на второй. Другие пять пошли ровным строем на третий корабль и вцепились в его вёсла по левому борту, заставив корабль развернуться. Четвертый корабль и пятый, что бы избежать столкновения приняли резко вправо и через несколько мгновений ткнулись носами в мель. Шестой, выбросив якоря «все вдруг», дергаясь, стоял на месте, в ста саженях от второго атакованного драккара.

Олег был старым воином поэтому, оценив обстановку, сам взял в руки меч и щит, и встал в строй как рядовой викинг, не став прятаться за спины и щиты молодой дружины. Но и здесь события стали развиваться странно, нападавшие вместо того, что бы броситься на ошеломлённых и растерянных воинов, опустили топоры и мечи, показывая свои мирные намерения. Олег в знак того, что готов выслушать опустил меч, но щита опускать не стал. От нападавших вышел человек с седеющими волосами и русой бородой, показавшейся ему знакомым. Он сказал по нормандски,

– Я дружинник Вражинец, ходил с тобой на Киев, дай мне мою долю.

Олег хоть и был стар, но рассудил здраво, стоять тут глупо. Молодой Игорь может послать погоню за своей казной, поэтому лучше дать малое, и сохранить большее. Он ответил,

–Чего ждешь, бери.

По его знаку воин показал дружиннику и его людям открытый ковчежец с золотом.

–Мне золота много не надо. Ты князь землю дай, на которой я сижу.

–Хитер ты дружинник, но если уже сидишь на земле, то и сиди далее, границей тебе будут реки и болота. Да будет так!

–Не ври старик, клянись на мече. Повторяй за мной. – Даю землю от Гзенского болота вдоль левого берега Волхова до Хутынской протоки, а границей Веряжка будет.

–Хорошо, вот мой меч, вот моя клятва. Вон твоя земля – холм среди воды и болот. Владей. Вот тебе перстень с княжеским знаком. Игорю отдашь, он тебе взамен грамоту даст на землю или голову снимет. Доволен? А теперь уйди не хочу кровь проливать более.

–Уйду, как только гривну золота вернёшь.

– Вот тебе два безанта. И не испытывай более судьбу дружинник,– ответил с угрозой в голосе Олег.

Дружинник переложил меч в левую руку, снял с правой руки перчатку и протянул её за задержанной платой. Издали всем показалось, что седой конунг Олег и незванный гость обмениваются дружеским рукопожатием. Уладив дела миром и восстановив попорченную много лет назад справедливость, ватага на лодках помогла снять с мели два драккара, и, показав кормчим, где еще есть опасные перекааты, отбыла восвояси, скрывшись в густом прибрежном кустарнике, как будто их и не бывало.

Следующий, знаменитый предок Василия, попавший в поле зрения официального летописца, звался Дружиной. Утверждать, что это было его истинное имя, мы не можем, может быть, это был собирательный образ мужей колмовского поселения.

²³ ПСРЛ. – Т. 2. *Ипатьевская летопись*. – СПб., 1908. – Стлб. 21-35

Как бы там не было, когда княгиня Ольга ставила уроки по волости новгородской, Дружина пришёл к ней с просьбой дать ему грамоту на владение землёй, отданной ему самим Олегом. Ольга – старая скволяжница, недаром, что из Пскова, полгода молчала и, наконец, перед отъездом в Киев выдала, как бы мы сейчас сказали правоустанавливающий документ на владение Дружины и его родни. Документ в общих чертах повторял Олегово дарение, но взамен требовала от колмовцев два кувшина свежего молока на княжий двор ежедневно. Дружина согласился и как его предок пришёл с оружием служить княгине. Вернулся в Холмово он христианином, одним из первых в Новгороде. Поэтому в новгородской иконографии иногда богомазы рисовали на Житийной иконе св. Ольги, воина на холме с грамотой в руке, на грамоте можно было прочесть, «Се есть земля Ольгою данная».

Наиболее прославился следующий предок Василия, в крещении наречённый Валентином, славянское его имя нам не известно. Отвозя как-то ежедневный урок на княжий двор, он стал свидетелем первого крещения Новгорода, который, как известно, крестили три раза. То ли вид княжеских дружинников, пришедших крестить Новгород, то ли их количество ввергло его в страшную задумчивость, из которой он не выходил дня два или три, нам не известно. Точно известно, что на Яблочный Спас в воскресенье он пошел с коробом полным снеди на Пискупью улицу и вернулся оттуда с бискупом дородным и благодушным мужчиной лет тридцати пяти – сорока. Вечером всё население Холмова уже внимало слово о Божественной Благодати, а через две недели активно готовилось к крещению, которое и было произведено в начале сентября. Когда Добрыня и Путята второй раз крестили Новгород, один мечом, другой огнём, со стороны Холмовского болота появился крестный ход во главе с недавно крещеным Валентином и попом певшим «Слався» почему-то на латыни. Добрыня и Путята с радостью дали приказ своим усталым дружинникам на роздых, сами же приняли активное участие в крестном ходе и последующим за этим богоугодным событием обильным застольем в Колмове. Там же и тогда же, и было выяснено, что поп найденный Валентином на Пискупьей улице был не греческой веры, а ирландской, но это было тогда непринципиально.

Однако подобное обстоятельство поставило несколько трудно разрешимых вопросов и требовало, в частности, переутверждения права колмовского попа вести службу в колмовском приходе у каждого нового архиепископа новгородского, который должен был дать благословление на это, в соответствии с церковными правилами, гласившими, «что сосуществовать две кафедры в одной епархии не могут»²⁴.

Крещение Новгорода было произведено 31 августа. Крещение Колмова 6 сентября. Второе крещение Новгорода 9 сентября, то есть, хотя Новгород и был крещен раньше на неделю юридически, кафедра фактически там появилась позднее, и поэтому, двум ветвям христианства пришлось уживаться вместе. Архиепископу своей духовной властью пришлось давать согласие на службу священника, не принадлежавшего его епархии. Чтобы попу мог содержать приход, нужны средства, то есть приход должен иметь землю или промысел, что бы жертвовать доход на прокормление священника. Для того чтобы средства шли на содержание священника, а не на нужды государства необходимо было согласие и участие князя-распорядителя земли Русской. Князь уже десятину своих доходов отдал на содержание православной церкви, а содержание прихода не православной церкви, таким образом, требовало нового закона о дарении земли или части княжеских доходов уже для другой церкви – не православной, в нашем случае – Ирландской. Конечно, князь на такое расточительство пойти не мог. Но и выгнать христианского священника тоже не мог, церковь тогда еще была едина. И не князь это дело решать, на каком языке читать «Отче».

²⁴ Тут пояснить надо, юридическая коллизия. В итоге получилось, что на земле князьями даденной во владение, христиане уже живут, а княжеской церкви не подчиняются. Церковь колмовскую не закрыть, епископа еще нет, т.е. церкви новгородской тоже еще нет, и получается, что крестили город, зря, если христианство уже тут. По правде говоря, не должно быть Новгородской епископии, должна была быть только Колмовская, так как Колмово крестилось ранее и имело свою кафедру..

Поэтому Добрыня, изрядно выпив на пиру, нашел следующее решение. При переутверждении колмовского священника епископом новгородским, князь переутверждает права колмовчан на часть их доходов, которые должны идти на содержание своей колдовской церкви и отказывается взимать с них налог на содержание новгородского духовенства в размере той суммы, которую колмовчане потратят на содержание своей церкви. Переутверждение должно было происходить в виде дарения колмовчанам княжеской печати по согласию с епископом новгородским. Пункт о «согласии» князя с епископом, не очень нравился колмовским неофитам, ведь епископ за «согласие» мог просить смирения у колмовчан, выраженного в нескольких: кругах воска; пудах рыбы; мяса: соли. Не дашь епископу: воска или рыбы, или мяса, или соли, он закроет церковь, и тогда идти за покаянием надо в Новгород, где за требы деньги платить придётся.

–А если и праздники считать то разорение будет полным, и чего тогда для благочестивой жизни останется? Нам что в разбой идти?– вопрошали колмовчане.

Путята, старый воевода, на пиру головы не терял и, выпивая и закусывая, со знанием дела осматривал Колмовский холм. Он сразу отметил, что с Волхова незаметно не подойдешь, кусты причалить лодкам помешают. Со стороны города – болото, через которое одна гать, по которой две коровы с трудом пройдут. Подняться по Веряжке и ударить с противоположной от Волхова стороны тоже невозможно там и гати не было. На второй день, всё рассмотрев и взвесив, он пришёл к выводу, что лучше колмовских не трогать, и не допускать до разбоя, ибо себе дороже встанет. Человек двадцать можно за зря положить, но так до тына колмовского и не добраться. Выпивая с Добрыней, он и рассказал ему об увиденном, и о своих мыслях, чем немало огорчил сослуживца. Пришлось княжеской власти, представленной на пиру в лицах воевод Добрыни и Путяты, и колмовчанам, представленным крещеным Валентином, и его попом ирландским искать взаимовыгодное решение.

В итоге трёх дневных переговоров договорились, что княжий человек дает печать, подтверждающую светское владение землями прихода и возможность содержать попа на эти доходы, не обременяя княжью казну. А князь своей властью не пускает Епископа новгородского пользоваться доходами Колмова на содержание новгородского клира. Этот принцип, восторжествовавший в пригородной деревеньке Новгорода в конце X века, стал позднее известен в западной Европе как принцип разделения властей, и вылился в итоге в борьбу за инвестицию, в рамках общей борьбы гвельфов с гибеллинами.

Подобное, подробное описание юридической составляющей хозяйственно духовной жизни Колмова и его владельцев позволяет объяснить их независимое положение, как от Новгорода, так и от епископа, так и от князя.

Утвердив свои права на свою церковь, и на свою землю предки Васькины с честью служили князьям новгородским и киевским. Когда сын Ярослав Владимирович разругался с папенькой Великим князем киевским Владимиром Святославичем пращур Васькин – Василий первый, первым пошел ладьи Ярославовы рубить, чтобы тот за море к шведам не сбёг, первым денег на войну дал, и первым своих людей князю в дружину привёл. Что подвигло его на деяния эти, нам доподлинно, увы, не известно может и долг, а может, и любовь к князю, а может, и корысть. Ведь никто не поручился бы за то, что новый князь, придя с новой – голодной дружиной, не наведет свой «новый» порядок и от колмовских вольностей ничего не останется даже в памяти.

За помощь в борьбе за великое киевское княжение князь Ярослав отблагодарил новгородцев деньгами и грамотами, которые обеспечивали охрану интересов новгородцев,²⁵ и снизил дань с 3000 до 300 гривен.²⁶

²⁵ НПЛ С.175-176. «седее на столе отца своего Володимера; и абице нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, новгородцом по10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им **правду, и устав**, списав, тако рекши

С Василием и его двором в Колмове, князь Ярослав поступил по справедливости, недаром его прозвали Мудрым. Он выдал новую грамоту – ряд, на владения Васькины и отменил ежедневную молочную повинность, веденную святой Ольгой, заменив её ежегодной уплатой подати в размере одного золотника или его замены в равных долях: добра, жита меха и воска.

–Тут неизвестно где найдешь, а где потеряешь,– по этому поводу сказал старый Вася первый, на смертном одре, при исповеди.

Так и жили бы колмовчане никого, не трогая и ни от кого не завися, однако жизнь вносит свои коррективы никому заранее из людей не ведомые. Одни скажут судьба, другие злой рок, ну а наиболее продвинутые скажут о неизбежном порядке развития вещей, то есть о порядке развития созданном законами диалектического материализма, или божественного проведения, что в принципе одно и то же, если заменить слово материя на слово бог.

Пока Васькины предки отстаивали свои права и свободы от князя, и верой, и правдой служили ему, тут рядом, незаметно как-то, появилась новая сила – Новый город.

В 6552 году от сотворения мира или в 1044 году от Рождества Христова, «а на весну Володимер заложи Новгород и сдела его».²⁷

Считать появление города никчемным явлением в их соразмерной жизни заставило колмовских владык следующее событие. Перед закладкой города, по какому такому наущению, никто не дознался до сих пор, новгородцы, уже пол века как крещёные, обратились к волхвам, живущим на Торговой стороне: «о сотворении обряда стен градских укреплявшего».

Как всем известно, согласно этому языческому обряду нужно было в основание стен положить жертву, символизирующую семя, оплодотворяющее мать землю, плодом чего должен стать Новый город. Чем сильнее семя, то есть жертва, тем сильнее град и стены его. Волхвы считали город живым, и поэтому он должен быть рождённым от семени человеческого и из чрева земляного. Почему простым семенем нельзя было оплодотворить землю, вместо того чтобы душу христианскую губить, волхвы не объясняли. Они лишь выпучивали глаза и орали, указывая кривыми, грязными пальцами на потенциальные жертвы, проходящие мимо. Ума хватило и у князя, и у волхвов, лишь на то, что жертву надо искать в другом месте, а не в том, где живешь. Поэтому волхвы толпой человек, в десять – пятнадцать прошли на софийскую сторону и, выйдя на Пискупью улицу, стали истоиво искать жертвенного агнца, заглядывая, без спросу во дворы к новгородцам между прочим. Улица быстро опустела, новгородцы задами, куда волхвы боялись идти из-за возможности получить по шее поленом или кулаком, побежали к себе в концы, разнося не благою весть о волхвах и их зломыслии. В Прусах волхвам поленьями быстро указали направление, куда надо идти. Волхвы и пошли, чуть ли не бегом, в указанную сторону, по направлению Ширковой улицы, где воигости²⁸ с кистенями в руках уже показали им новый путь. Выйдя из Новгорода, волхвы, пройдя два поприща, на колмовский гати наткнулись на Васю первого идущего на исповедь к писковскому попу, так как его колмовский пастырь душ грешных наложил на него епитимью за грех его, и отказался давать отпущение грехов.

Сказать, что грех был велик и смертен, значит покривить душой. На самом деле, дело было житейское. Года четыре назад ночью, в июне, когда девушки ходили в ночное купаться, чтобы их, будущие женихи во всей неприкрытой нагоде увидели, узрел вдовый Василий отроковицу Тотьку дочку пастуха Влеса. И поразился красотой её большой, не по возрасту, груди.

Возможно, Вася бы и женился бы тогда на Тотьке сразу, но той было еще только 13 лет, и Васька дитя пожалел. Найдя себе красавицу Улиану шестнадцати лет. Против воли её родите-

им: «По се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите».

²⁶ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.С.78

²⁷ Новгородская первая летопись , старшего и младшего извода. Академия Наук СССР. М.-Л. 1950 г л.19.

²⁸ Воигость– воигости .то же что и наёмники.

лей, взяв её. Как в летописи и было отмечено «И, поя Улиану Иесифовну един (то есть без родителей невесты) в колмовской церкви, а поп венчал Игнат Мосеевич».²⁹ Это история широко известна нам, потому что дошла до нас переписка между влюблёнными. Берестяная грамота найденная археологами у колмовского моста гласила, – *«От В^силия к Улиану. Пойди за мне. Яз тебе хоцю, а ты мне. Ана то послух Игнат Моисиев. попын сын и сам в сани»*.³⁰

Прожили в мире счастье они три года, а когда, на четвертый, будучи на сносях Ульяна отказала Василию в ложе, боясь за плод, Василий затворился в крайнем тереме чтоб верность супружескую соблюсти. Но тут вмешался злой рок. Анастасия Власьевна, та самая Тотька, теперь в народе за глаза называемая Огневушка Сосковастая за величину груди своих и красивый рыжий цвет волос, любившая Василия безоглядно вот уже четыре года. И на глаза ему три года назад летом она неспроста попала. Решила взять Василия, если не силой то хитростью. Выследив, когда Василий в баню пошел, она – грешница вслед за ним тайно проскользнула в предбанник. Там разделась и легла на полог в позе Марии из Магдалы греху стремившийся предаться. Когда Василий вышел квасу выпить, чтобы остудиться, он, увидя красоту нагую лишь одним вожделением прикрытую, глаза прикрыл рукой, хотел избежать греха, но Тотька не постеснявшись, ведь девкой еще была, взяла его за мудя и к себе притянула. Вышел Вася из уже простылой бани на третьи сутки, и сразу пошёл каяться. Однако батюшка приговорил его лишь к чтению пяти Отче утром и отпустил с богом. Так и жил Вася двоежёнцем пока в постный день Преполование Пятидесятницы не согрешил с обеими с женой ночью, а с Анастасией Власьевной утром, перед службой.

В этот день, после краткой утренней молитвы, только вставши с постели, и накинув на себя лёгкую заячью шубу, Василий пошёл в холодный погреб за сливками. На беду свою он встретил там Анастасию Власьевну, тоже спустившуюся в погреб, но не за сливками, а за сметаной к утреннему творогу. Одета она была, как и Василий, то есть никак. Рубаха на голое тело, шуба волчья и сапожки красные на каблучке. Если бы Василий только в глаз бы ей и глядел, всё бы и обошлось бы. Привык он как-никак к виду груди её. Но вдруг взгляд его уперся в сапожки красные. И дошло до Васи в это утро, что ноги у Тотьки уж очень длинные и видом красивые. Открывши новую красоту в старой любовнице, Вася голову совсем потерял, и только после второго раза насилу оторвался от Тотьки, не спеша, побрёл наверх в светлицу оставив счастливую Тотьку отлеживаться на полке в погребе. Правда, он её заботливо укрыл своей заячьей шубой, чтобы чего не вышло худого. Через полчаса, когда служба уже шла Тотька с блуждающей, таинственной, счастливой улыбкой появилась в храме и скромно заняла своё место среди колмовчанок.

Женщины творенья богобоязненные и поэтому обе тут же перед причастием, батюшке покаялись в грехе, но Васе об этом не сказали. Наверное, не успели. Поэтому, когда батюшка спросил у Васи, «Каешься ли ты в грехе своём»? То Василий, солгав ему, ответил,

– Нет на мне греха кроме первородного, – и перекрестился.

За что и получил выше указанную епитимью.

Пристаженный и усмиранный раб божий Василий перед походом за отпущением грехов попостился сутки, вечером в баню ходил, утром оделся в чистое и пошёл скорым и лёгким шагом по направлению к епископскому двору. Повторяя про себя все известные ему молитвы, чтобы скоротать время в пути и настроить свой дух на богобоязненный лад.

Вот тут-то, на гати, его пращурами высланной и повстречалась ему ватага волхвов. Вася шел один, волхвов было десять и накинулись они одни, то есть без посторонней помощи на Василия. Начали руки ломать и верёвками вязать. На вопрошания жертвенного агнца-Василия, «за что?», они разом ответили, что убьют его по делу – во славу града Нового. Где упоко-

²⁹ Новгородский летописец серединых изводов, запись под 1040гг.

³⁰ Колмовская 7 берестяная грамота. Первая половина XIв.

ённый Вася будет душою своею бессмертной стены градские охранять. Тут в драке произошла заминка. Вася престал сопротивляться, а волхвы увидя это подумали, что смирился раб со своею судьбой, перестали вязать. Вася, воспользовавшись заминкой, спросил,

– А рай как же ??,

– Не будет тебе рая, – ответили бесы слуги, чем и приговорили себя к смерти неожиданной.

Вася путы снял, вместе с тремя вязавшими его наиболее нетерпеливыми волхвами. Сбросил их и тела бездыханные волхвов в трясины. Трём другим наиболее старым и уважаемым сначала бороды повывёртывал потом ноги пообломав, подвесил вместо чучел на столбиках, что гать держали, птиц отгонять. Остальных он догнал уже возле домов воигостовских и за обиды старые, ему не за что воигостями причиненные, подбросил двух вохвов обездвиженных на двор их десятника. Последнего волхва он привел к попу для покаяния, а когда тот, в бесовстве своём, стал упорствовать, скрутил его бубликом, и, привязав пятки к шее, бросил в Волхов.

Далее все-таки случилось, так как в летописи сказано, «нашли волхвы ребёнка малого, от мамки отняли дитячко и закопали живого под стеной кремлёвской»³¹.

«Но, после случая сего перестали волхвы волхвовать подле Колмова, на Гзени волхвуют, на Ярославовом дворе, подле Николы волхвуют, а к Колмову не идут».³²

В следующем году³³ новгородцы вызвали колмовского землевладельца к себе, в детинец на правёж. Согласно «Уставу Ярослава о мостах» каждая новгородская уличанская община должна мостить свою улицу. Когда Василий узнал о том, что ему одному гать мостить от городского вала до своего забора, он; показал кукиш посаднику, поклонился епископу и ушёл, ни с кем не попрощавшись.

Вот именно с тех пор, вернее с кукиша посаднику показанного, и началось противостояние города с Колмовом. Каждый новый посадник Новгородский клялся привести Колмово к покорности и дорогу от города до Колмова замостить за счёт колмовских отщепенцев. Однако все как-то не складывалось. Каждый новый посадник собирал ватагу и вёл на штурм колмовского тына, и каждый раз ватага возвращалась с разбитыми носами, а иногда и с поломанными руками. Силен оказался колмовский владелец. Силён и нахален.

Вот, при посадничестве Константина Моисеевича, когда тот с ватагой пришёл в Колмово городские порядки устанавливать, случилось и вовсе неприятная для всего посадничества новгородского история. Прадед Васькин тогда еще молод был и силу свою соизмерять не мог еще, в полной мере, поэтому для сохранения своего забора он вышел навстречу ватаге, которая нестройными рядами двигалась по гати к его воротам. Загнав их всех в зловонную болотину, он как-то не заметил, среди упитанных рож молодцов набранных из словенского и прусского концов, седую бороду посадника, чем обидел старика и всё новгородское посадничество.

На следующий день пришёл к нему чернец софийского дома и закрыл церковь. Месяц Васькин прадед делал вид, что это всё мелочи, однако через месяц босой, в мороз, пошёл к святой Софии архиепископу кланяться, епитимью получать и у старого посадника прощения просить за поругание уважения к сединам посадничьим. Через две недели вернулся он с покаяния в задумчивости, стал вести себя тише и скромнее, на Торгу лавку открыл, солью торговать начал, но при всяком удобном случае детям посадским синяк под глазом поставить старался. Но осторожно, что бы правёж епископа его обошел стороной.

Вот такие были предки у Василия Валентиновича из Колмова. И главное Беспаловыми их прозвали не зато, что пальцев на руке не было, а за то, что, когда Святой Варлаам в Хутыни бесов гонял Васькин дед, не пожалел своего дома. И, что бы бесы хутынские перелетевши Вол-

³¹ Новгородский второй, срединный летописец. Под 1044г

³² Новгородский первый срединный летописец, Сказание о заложении града Нового.

³³ То есть в 1045 году.

хов, не укрылись в нём, спасаясь от слова Божьего, он по слову Варлаамову сжёг его. После этого прозвали его Василием, спалившим беса, отсюда пошло Бесспальный – то есть,– беса спаливший. Так гласило семейное придание.

Друг его – Алексей Раскорякин был происхождения тёмного, он появился в Новгороде, где-то в 6738 году от сотворения мира, в 1230 году от рождества Христова. Как гласят погодные записи софийского дома, был он слугою, архиепископа Спиридона из Царьграда привезенным. Хотя слугою он был странным, те же погодные записи как-то невнятно, глухо сообщают о не простом происхождении Алексея. Так в приложении, внизу 46 листа Новгородского срединного летописца, со ссылкой на погодную запись 6739 года сказано, что «на службе Лексей стоя на полатях, но не поя». Далее там же, но уже на обороте приписано, «Владыко грозил Рогволожи внуци т.е. потомкам Рогволда полоцкого, что помажет на все княжения полоцкие единого князя,– Рогволожи правнука Лексея с острова Родоса». Но еще большие сведения о происхождении Алексея были получены при обнаружении на Синичьей горе могильной плиты, на которой была высечена эпитафия воину Алексею. Плита была найдена в не потревоженном слое XIV века и поэтому датирована XIV столетием. Но внизу выбита приписка, «Мастер Страшка сдела, с камня точно», что позволяет отнести оригинал к более раннему времени. Эпитафия гласила,

– Алексей Васильевич стола не искавший,
 святому престолу служивший,
 как и пращурки его,
 добра многия сделавши,
 с мечом в руце погибши,
 вечную память получивши».
 Молим Бога за тя.....
 В державу Олександр
 6750 Аминь.

Исходя из полученных сведений, мы можем реконструировать биографию Алексея следующим образом.

Епископ Спиридон, будучи на хиротонии в Киеве встретил там Алексея, который пришёл на землю пращуров, спасаясь от нашествия латинян на святую византийскую землю. Алексей на исповеди открыл епископу своё происхождение от, проживавшего в Царьграде в 1130 гг. велением дяди своего Владимира Мономаха Василько Святославича. Там и родился его прапрадед, названный в честь благодетеля Василько Святославича Алексея Комнина, Алексеем. Этот Алексей родил Василия, Василий Алексея второго, так и повелось в их роду называть мальчиков Алексеями и Василиями.

Он приходился троюродным племянником Алексею I Великому из рода Комнинов, после смерти, которого Алексей принуждён отбыть в Никейскую империю к Иоанну III Дуке, так как не сошёлся взглядами с приемником Алексея шурином Андроником I Гидом. Иоанн, умнейший человек своего времени, отчаянно нуждавшийся в людях, не побоялся доверить потенциальному претенденту на престол Византии и естественно своему потенциальному противнику-конкуренту воинскую единицу – сотню и звание кентарха³⁴.

Алексей в благодарность за сохраненную ему жизнь и предоставленную безопасность от тайных друзей Андроника I Гида так отличился в битве при Пиманеоне, что получил в благодарность от Иоанна III Дуки целый остров Родос в управление.

Остановимся на этом событии и подробнее опишем битву, где отличился «мышцей бранной» Алексей Васильевич Ласкарис-Комнин.

³⁴ Кентарх -сотник

Учебники истории скупо освещают эту битву, так как написаны в основном потомками побеждённых или на их деньги ничтожными, продавшимися, потомками победителей.

Вот что сообщает популярная энциклопедия. Битва при Пиманеоне (весна 1224 или, по другим источникам, 1225 г.) – сражение между силами Латинской и Никейской империй, изменившее баланс сил в Восточном Средиземноморье эпохи франкократии. Произошло сражение у местечка Пиманион на западе полуострова Малая Азия (совр. Лапсеки). Примечательно то, что 20 годами ранее в этом же месте произошла битва при Пиманионе (1204), в которой верх одержали крестоносцы.

Мы же отметим, что крестоносное воинство имело численно-качественный перевес и владело стратегической инициативой. Император латинской империи мог позволить проиграть одну кампанию или две подряд, имея неисчерпаемый источник поступления профессиональных военных – Европу, которая по личной просьбе архиепископа города Рима слала ему своих лучших сыновей.

Никейский император Иоанн III Дука Ватац ничего такого не имел. Он имел лишь одну армию и волю. Но он был императором и поэтому, подобно всем настоящим императорам сам вел войска к победе и не мог позволить себе роскошь проиграть ни одно сражение. Перед началом кампании он приказал поднять все архивы и изучить труды императрицы Анны. Потом именным указом обязал все войско провести военные игрища в поле, вдали от баз, опираясь на опыт Ираклия полученный им в походе 624г., по описанию Феофана Византийского.³⁵

Через три месяца новая, не отягощенная обозами, армия, «подобно влюблённой жене безропотно шедшей за мужем»³⁶, шла за императором. Император Латинской империи Роберт де Куртене успокоенный словесной помощью папы Гонория III и присланными французскими рыцарями короля Филиппа II, удалился от ратных дел, предав дела помощникам.

А пешая армия, спаянная волей Иоанна III Дуки смело развернула боевую фалангу против лучшей конницы Европы.

Иоанн III, от греха подальше, поставил сотню Алексея на левом фланге, справедливо рассуждая, что там его потенциального противника могут убить с большей степенью вероятности, чем на правом фланге, которым командовал он сам. Тем более что на левом фланге конницы имперской не было, она – конница должна охранять императора и может быть нанести решающий удар по левому флангу Латинцев. Алексей, как только получил повеление императора, сразу приказал воинам собрать камни величиной с голову человека. Каждый воин должен принести по три камня. Затем он положил камни слева от своей сотни в десяти сажнях от линии щитов первого ряда. Исполнив это, он приказал воинам спать, заменив ужин сном. Утром пятьсот рыцарей Латинской империи атаковали двухтысячную армию императора Иоанна III Дуки. Против сотни Алексея выступил отряд французских рыцарей под командованием Тибада де Монморанси племянника коннетабля Франции Матьё II *Великого*.

Сражение началось атакой рыцарей по всему фронту копьями. (Копьё – отделение, состоящее из; рыцаря, щитоносца, меченосца, оруженосца). Рыцари, используя численный и качественный перевес, пытались смять, задавить, раздавить своей массой иоаннову фалангу. (Здесь нет разночтений в количественной составляющей войск. Рыцарь стоил, на поле, боя шесть копейщиков, если мы приплюсуем свиту помощников, то получим искомое число войск выставленных латинской империей. Что-то около четырёх с половиной тысяч воинов). После первой атаки, по сигналу сержантов, рыцари, подбирая раненых, вернулись к себе в лагерь, сменить коней и копья.

Вторая атака, в основном, не отличалась от первой. Только, вместо копий рыцари объединились в более крупные отряды – знамена и атаковали не копьями состоящих из трёх вои-

³⁵ Феофан Византиец .Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта . М., 1890

³⁶ Псевдо Византийский хронограф Дука карийский. Запись под 1325годом, зима.

нов, а клином из девяти человек. Это тактика продержалась до конца сражения, так как рыцари атаковали, непрерывно стараясь не дать противнику времени на отдых и отходной манёвр. Эта тактика в возможно бы и принесла свои плоды, однако перед латинянами стояла новая армия, не боявшаяся идти навстречу противнику. Поэтому вскоре, когда атаки рыцарей стали чуть менее яростными, так как лошади устали, отдельные части фаланги, на отдельных участках фронта, не дожидаясь приказов, стали слаженно переходить в успешные контратаки, которые заканчивались, как правило, падением атакованного рыцаря с лошади. До конца сражения было еще далеко, когда к шевалье Конону де Безану командовавшему войском Латинской империи прибыл оруженосец, с гербом Монморанси на груди, с просьбой дать людей на правый фланг, так как отряд племянника коннетабля Франции уничтожен и сам племянник погиб. Шевалье, взяв два копья, и свежую лошадь, отправился на правый фланг устранить опасность. Знаменосец, естественно, видя, что его господин отправляется из лагеря, понёс стяг вслед за ним, рыцари, первой атакующей линии увидя движение в лагере, невольно ослабили натиск на фалангу и подались назад. Этого хватило, что бы Император Иоанн во главе сотни катафрактариев бросился в атаку на левый фланг рыцарей. В течение часа левый фланг был уничтожен, нет, не отброшен, а именно уничтожен, то есть каждый рыцарь был убит. Потом император взмахом платка двинул фалангу в атаку.....

Через два часа из лагеря рыцарей прибыли герольды, положившие к ногам императора, в знак признания его победы, стяги с красными крестами, которые «вечером Император попирал ногами, стоя на литургии»³⁷

Вечером, после благодарственного молебна, Император объезжал поле боя, даруя либо милость побежденным, либо смерть тяжелораненым, как избавление от мук. Когда он подъехал к своему левому флангу, его поразила тишина царившая там. На этом месте не раздавались ни мольбы о помощи, ни стоны раненых. Сотня, освещаемая заходящим солнцем, стояла в молчании, лошади падших рыцарей стояли стреноженные чуть поодаль. Конюхи, молча, готовились вести их на водопой к ближайшему ручью. Перед фалангой, на щитах лежали тела двадцати рыцарей. Шпоры и латы с них уже сняли. Оруженосцы, копейщики, меченосцы лежали далее сваленные в три кучи, готовые к погребению, то есть в одном исподнем. Десяток воинов уже начал копать большую яму, стремясь успеть похоронить павших до наступления ночи. Император остановился в ожидании доклада. Алексей, предав меч, щит и копьё десятнику, подошел к императору и с поклоном протянул ему связку из сорока серебряных шпор. Император через несколько минут раздумий снял со своих плеч синий шёлковый плащ и собственноручно передал его Алексею. Затем он развернул коня и, не прощаясь с сотней, скорой рысью поехал в сторону ставки. Когда наступила ночь и сотня разожгла сторожевые костры по периметру своего лагеря, в лагерь въехал гонец от императора. Он вручил Алексею хрисовул³⁸ настоятельно рекомендуемый ему – герою, доставившему императору счастье победы, незамедлительно отправиться на остров Родос с преданной ему сотней. В награду за победу Алексей получил титул Стратилата³⁹ Родоса, а все воины его сотни награждались званием стратиотов и земельными наделами на острове Родос.

Если бы император помнил историю, то не стал бы отправлять русского князя на Родос. Его предшественник то ли Никифор, то ли Михаил в XI веке отправил Олега Святославича на Родос в ссылку защищать остров от неверных. Тот и защитил остров: и от неверных, и от императора, и от пиратов. Только в 1083 году Олега с почестями, посулив целое княжество в дар, отправили на Русь, а Император ввел свои гарнизоны, вернув остров в состав империи.....

³⁷ Саломанкский аноним.

³⁸ Хрисовул -тип византийских императорских грамот, в которую Император собственноручно пурпурными чернилами вписывал несколько слов, ставил подпись и дату. Хрисовул скреплялись печатью (иногда золотой) на шёлковом шнуре.

³⁹ Именно Стратилата, а не стратега, видимо Иоанн, таким образом, решил запутать Алексея давая ему общий, а не конкретный титул.

Алексею, выросшему среди византийского изящества и коварства, объяснять не надо было, что синий плащ – подарок императора, завтра может стать погребальным саваном. Поэтому он оставил раненых в лагере, посадил здоровых на трофейных коней и хлынцой направился в сторону Эгейского моря, моля бога как можно быстрее послать ему на встречу корабль.

Император ранним утром еще до утренней службы подъехал к лагерю Алексея, увидев полупустой лагерь, он улыбнулся. Алексей правильно исполнил его мысленный приказ – Убраться как можно скорее. Оставшиеся до службы полчаса, Иоанн посветил изучению место боя. С помощью стратега Романа из рода Асеня, он смог восстановить последовательность действий франков и Алексея.

Вот такая, примерная картина боя.

Поле камней слева от фаланги не давало возможность рыцарям на полном скаку атаковать, левый наименее защищённый край фаланги. Рыцари в первый раз атаковали копьями по всему фронту, но неудачно, потеряв, скорее всего, несколько оруженосцев или меченосцев, они отошли перегруппироваться. В это время Алексей принял вправо и назад, оголив тем самым правый край фаланги Императора. Рыцари уже знаменами атаковали в образовавшуюся брешь. Как только они втянулись всеми пятью копьями в искусственный коридор между двумя фалангами. Алексей повел свой отряд на встречу. Рыцари оказались зажатыми. Чтобы драться, нужно было развернуться в боевые порядки, совершить манёвр, но сделать этого было нельзя, не хватало пространства. Наиболее умелые поднимали лошадей на дыбы и с трудом разворачивались к врагу. Те, кто не смог этого сделать, были убиты в спину. Вырвались только двое, племянник коннетабля Франции и паж – пасынок Монфора. Тибад де Монморанси перед смертью отправил пасынка гонцом к Роберту де Куртене с извещением о гибели части правого фланга его войска. Затем он прищипорил коня и вернулся к своим товарищам. Красивый, но бесполезный поступок.

Болгарин Борис, недавно отрекшийся от ереси богумилов, с удивлением увидел всадника, мчавшегося навстречу смерти, решил помочь тому и метким броском дротика попал в глаз Тибада. Пока тот прощался с жизнью Борис, уже осматривал его седельные сумки.

Удовлетворенный увиденным, Иоанн вернулся, как раз к началу вечера. Это для всех остальных он император, а для бога он простой прихожанин храма св. Софии, раб божий Иоанн!

Алексей через три недели высадился на Родосе во главе отряда из сорока человек и десяти лошадей. Остальных тридцать лошадей взяли в качестве платы за помощь друзья и союзники, – единоверные армяне халкедониты. Через три месяца, неустанных трудов на бранном поле, Алексей вложил в ножны гладиус, принял присягу верности, и обложил пошлиной все суда находящиеся вблизи острова. Те, кто платить отказались, были взяты в казну Стратилата для борьбы с неверными. Венецианцы совместно с Генуэзцами, а так же гвельфы с гибеллинами, совокупившись⁴⁰, совместно обратились к Иоанну с просьбой умерить пыл нового борца за гроб Господень. Император прислал в дар за службу Алексею очередной хрисовул, где даровал ему звание Франкобойцы, и красные сапоги. (Красные сапоги носили только императоры, тем, кто рискнул их одеть, снимали взамен голову.) Алексей все понял правильно и тем же днём, не предупреждая даже поваров и слуг, бежал от императорской милости в Константинополь, рассчитывая спрятаться среди врагов. Но корчмарь генуэзец за двадцать безантов выдал его госпитальерам. Алексей не стал искушать судьбу более, бежал той же ночью к единоверцам армянам, когда братья рыцари перевозили его через Золотой рог. Те, помня щедрость и честность Алексея Стратилата, посоветовали ему идти на Русь, там руки коротки и у латинян, и у греков. Что Алексей и сделал, успев сесть на последний корабль идущей до Херсонеса. В

⁴⁰ По-моему это случилось в первый и последний раз .

Киев он попал зимой и поступил на службы к князю Владимиру Рюриковичу, который в умных людях в то время очень уж нуждался. Владимир, Алексея без лишних расспросов, взял в свою «уную дружину», и дал терем в держание на берегу Почайны. Алексей вздохнул свободно, год занимался княжеской перепиской, однако весной он встретил монаха подозрительно похожего на брата рыцаря иоаннита аббата Ксавье, правда, без оружия. Ближе к лету он заметил, что очень часто приказчики двора св. Марии, стали заходить на его окраинную улочку. Вскоре сосед слева сдал свой двор приказчику двора св. Марии. Сотник и тысяцкий киевские злого умысла в этом деянии не нашли охрану выставлять княжескому тиуну – писарю отказались. Потому, что Князей, тут в Киеве сидит всяких много, а денег у них, как правило, мало. Людей своих для тягла городского князя не дают, всё для ратного дела берегут. Чего своих киевлян зря тревожить по делу чуждому, княжескому? Так и ушёл ни с чем Алексей от палат тысяцкого, что стояли рядом с Десятинной церковью. В Тереме затворился к князю ходил только днём, все наблюдал за соседским двором.

В среду, вечером возвращаясь от князя, Алексей увидел, что в соседский двор въезжает, под охраной десяти воинов, обоз кожами гружённый. Он как был в одной рубахе и сумой через плечо, не заходя к себе во двор, пошёл просить защиты у церкви. Там, в епископском дворце, стоя на коленях, он и встретил владыку Спиридона, возвращавшегося из Константинополя в Новгород, которому и доверился.

На исповеди Алексей сказал, помимо всего прочего, Спиридону что, к князю полоцкому он имеет письмо, написанное преподобной Евфросинией Полоцкой родной сестрой его пращуря Василия. Но боится он в войну ввести, ему по праву принадлежащее, архонство полоцкое, которое и так уже войнами обезлюдело. Архиепископ, услышав это, справедливо рассудил, что еще одного князя Брячиславича⁴¹ Новгороду иметь рядом, не очень уж и удобно. Один – то ведь уже в Софию на коне въезжал, святой престол пограбил, и второй тоже может, а Мономахи на Руси перевелись и некому особенно буйных князей в Царьград отправлять, да и Царьграда православного уже лет двадцать как не было. Поэтому посоветовал он Алексею по примеру пращурки его Ефросиньи Полоцкой богу послужить, людям добро совершая. Это всяко лучше, чем сидеть слепцом в тюрьме монастырской на послушании вечном, в лучшем случае, а в худшем безглазым или увечным на торжище денег на хлеб просить, побираясь. Поразмыслив здраво Алексей согласился и, назвавшись слугою епископа, прибыл с ним в Новгород для принятия пострига.

Поначалу жизнь новгородская Алексея напугала своей беззаконностью, что ни день, то – драка, что ни вечер, то – суд епископский над провинившимися забияками. Кроме того, наличие двух католических замков – ропат в Новгороде его тоже не очень обрадовало. (Это двор святого Олафа, где сидели шведы и датчане, и прочие варяги-норманы, и двор св. Петра, где сидели купцы немецкие-имперские). Прожив в Новгороде месяца три, однажды вечером, неосторожно вышел он к мосту Великому, где встретились ему трое купцов немецких со слугами. Чего они у моста в неурочное время делали, Алексей дознаться не успел, так как окружили его гости имперские словно ворога. Стали они его теснить на мост. Алексей как мог, сопротивлялся, но силы не равны были, двенадцать немцев и он один. Но тут случайно проходил мимо конюх Спиридонов Погибель Тпрун со товарищами, увидя дело такое, несправедливость, когда двенадцать одного лупят, да еще узнав в страдальце послушника Спиридона Алексея – человека божьего. Все, то, новгородцы ведь знали, что в постриг человек идти собрался, от радостей мира добровольно уйти и бить таких нельзя. Таких холить и лелеять

⁴¹ Всеслав Брячиславич в [1067 году](#) на берегу [реки Черехи](#) он разбил войско [новгородского](#) князя [Мстислава Изяславича](#) и занял [Новгород](#). Новгород наполовину был сожжён. Всеслав захватил пленных и взял к себе в княжество иконы и утварь [новгородского Софийского собора](#).

надо, что бы при страшном суде слово доброе праведник замолвил перед судией верховным, неподкупным.

Поэтому, чтобы слово за них – грешных замолвлено было, перед неподкупным Судьёй, вступились они за Лёху. Хоть и было их всего четверо, но все одно, никто не отказался немцу рыло скосить, за дело благое, защиты послушника. Что и было ими проделано с быстротой и умением. А когда с противоположного берега прибежали на шум Михайловские, жители Михайловой улицы, всегда немцев любившие бить по-соседски, то тут пошла забава до полуночи, пока стража мостовая всех не разогнала. Разговоров на Торгу было недели на две, Алексея-сиротинку все жалели.

В тот год мор и голод случился, в благодарность за добро, на мосту, новгородцами сделанное, молодой послушник Алексей за больными ухаживал, смерти не убоясь.

Весною пришёл он к священству и попросил отдать ему пустошь -одичавший сад, что рядом с Синичьей горой, рядом с монастырём Петровским. Добр был владыка Спиридон, благословил он своего послушника, но с условием, что ежегодно весною Алексей два воза яблок в дом святой Софии отдавать будет для неимущих и больных. Три года не разгибая спины, в одиночку поднял Лёха одичавший сад, что монахи Петровского монастыря, что на Синичей горе возделывать отказались. Три года Лёха терпел насмешки братии и жил, чуть ли не подаванием, зато в 1235 году по весне, когда у половины города зубы от морового поветрия выпадать стали, привёз он на софийскую площадь два воза яблок, чем многих бедных спас от болезни. Остальные шесть возов он продал на Торгу. За три яблочка брал одно пряслице. Богатым Лёха стал. Люди быстро добро забывают, а новгородцы завистливы страшно. Завидовать стали ему за богатство богом данное, своими руками выращенное. Посадничьи дети сад пытались поджечь, монахи денег взыскать, за землю якобы монастырю принадлежавшую. Плохо ему бы пришлось. По судам затаскали бы, а сад разорили, но по велению божьему встретил он Ваську Беспалова. Васька, тогда, в очередной раз ходил к Епископу Спиридону каяться за свои шалости, точнее за разбой. Владыка в виде епитимьи, направил Ваську в сад к послушнику Лехе работником месяца на два, с глаз своих долой. Молодые люди, имеющие общих врагов, быстро нашли общий язык, и количество разбитых носов и синяков у посадских детей выросло в два раза. В этом противостоянии Алексеево послушничество как-то само собой и сошло на нет. Сам владыка два или три посоха разбил, вразумляя друзей вести жизнь мирную и трезвую.

Такая взаимопомощь довольно быстро дала свои плоды. Новгородцы, которым не откажешь в прозорливости, подсчитали, что судиться да рядиться с двумя вместо одного дело в два раза хлопотливее, потому, что денег и времени может уйти тоже в два раза больше. И махнули на это занятие рукой, справедливо успокаивали себя тем, что своими руками Лёха богатство нажил, и зариться на него грех. А некоторые, наиболее просвещенные, Алексея даже ставили в пример своим детям.

– Вот как инок Алексей трудом и послушанием богатство наживший и на этом свете райскую жизнь проведет в достатке и сытости, и потом в райские кущи, за жизнь свою безгрешную, сразу без страшного суда, попадёт так и ты, родненький сынок, старайся, – говорили они.

Впрочем, как ни старались Владыка с Алексеем, но скрыть его происхождение до конца не удалось. Дело было в 1238 году, когда Литва готовилась под Смоленск идти, а князь, Ярослав Всеволодович решил сына Александра женить на полоцкой княжне, чтобы над Смоленском контроль иметь. А, кроме того, что бы сын всегда казну имел полную. Ведь земля Полоцкая это – мед и воск, а мед и воск это – деньги. Еще при Всеволоде Мстиславиче новгородцы объединились в Иванское сто организацию, контролирующую торговлю мёдом и воском. Конкурентами новгородцев были Смоляне, тоже входившие в Иванское сто, но только тогда, когда на престоле Новгородском сидели Ростиславичи смоленские. Тогда цена на воск была одна; и для Смоленска, и для Новгорода, и для Полоцка, и все богатели. Только немцы злились, но указанную цену давали, ибо больше меда и воска в таком количестве не купишь. Но Новгородцы

быстро увидели, что князья смоленские, когда в Новгороде сидят, богатеют и сильно на Новгородцев давить начинают, вроде как на вольности покушаются. Тут же, конечно, Ростиславичам Смоленским путь на Волхов был запрещён. Купцы Иванские как-то между собой решили не пускать, вообще каких-либо, князей в общее дело, а платить отступного из общегородских сумм. Однако и князья не дураки были, Ярослав Всеволодович справедливо рассудил, что не зря же его прадед Всеволод Мстиславич Иванское сто утверждал.⁴² Доля князья должна была остаться и не зависеть от воли новгородцев, которые на его же долю от Иванского сто, других князей на его престол новгородский приглашают. Чтобы исправить эту несправедливость Рюрикович и решил сына женить на мёде сидящих княжеских родах, то есть на тех княжествах, где мёда много, а власти мало. Тут подвернулись князья полоцкие им без помощи Новгорода от смолян с Литвою не уберечься. Смоленск, почему-то на Полоцк всегда войной ходил вместе с Литвою, хотя потом между собой они тоже исправно воевали, но на Полоцк только вместе. Князья полоцкие были не против брачного союза, только витебские князья Брячиславичи выступили против. Их науськивали новгородцы, чтобы князь новгородский силу не набрал.

– Дочь нашу бери, денег бери, но леса с бортьями не дадим, – заявили те на съезде. Тут бы и расстроилась бы вся интрига Ярославом задуманная, не появившись тут Спиридон с Алексеем.

Вечером, когда пир был в самом разгаре и полочане праздновали победу над Всеволодовичами, в залу вошёл человек в синем плаще византийской работы, с диадемой архонта, и в красных императорских сапогах. Архиепископ с поклоном проводил вновь прибывшего на свое место и стал чуть поодаль.

Выпив положенную гостевую чашу, незнакомец вытащил из сумы грамоты с печатями красными – комниновскими. И протянул их владыке. Владыка вышел на середину залы и сказал,

– Брячиславичи отдайте долю преподобной Евфросинией Полоцкой наследнику её.

Первым понял, что к чему, и чем может все закончиться, для всех князей полоцких, как для витебских, так и пинских, вообще всех. А именно потерей земель вотчинных не из-за войны, а так сказать по – мирному, что вообще не приемлемо было, был Брячислав Василькович.

Который сразу объявил всем дядьям и братьям, что дочь его, и все это есть его внутрисемейное дело. [Александра \(Параскева\)](#) Брячиславовна на следующее утро поехала к суженному.

А Спиридон сказал всем Полочанам, что, если те ещё, хоть раз низкими ценами на воск будут подрывать доходы святого дома Софийского, он их всех на Родос отправит, а на их место всех потомков Василько Святославича выведет с Родоса и благословит на княжение. На том те князья и крест целовали.

Ярослав Всеволодович перед отъездом на Литву, спросил у Алексея, не хочет ли он вернуться в Трапезунд, с дружиной верной, чтобы жить в палатах порфирных. Алексей ответил,

– Нет княже, рождённый в багрянце, в багрянце и умрёт, это Бог дал, Бог и отнимет. Я господу службу выбрал, а в палатах сидеть, на троне уже не хочу. Не в твоей это воле меня

⁴² По поводу купеческой организации «Иванское сто» существует мнение, что она была создана самим князем новгородским Всеволодом. «Как позднейшие западно-русские церковные братства сложились под влиянием западного Магдебургского права и цеховых учреждений, так и Ивановской ассоциации новгородских купцов можно находить подражание известным нам балтийско-немецким гильдам, которые также группировались около храмов и имели своими почетными председателями герцогов и князей. Сам князь Всеволод поставлен был судьбой в весьма близкие отношения к одному из таких учреждений. Его родная сестра Ингибиорга была замужем за герцогом Шлезвигским Канутом Ловартом, который был президентом шлезвигской гильдии св. Канута. Всеволод не только мог быть знаком издали со своим зятем и покровительствующим им учреждением, но по обычаю, как старший брат Ингибиорга, мог провожать ее к жениху в самую Данию, и, ознакомившись на месте с гильдией св. Канута, по ее примеру учредить такую же ассоциацию в своем торговом Новгороде под патронатом Иоанна предтечи, храм которому он соорудил на собственные средства». См Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: «Терра» 1993 С.213. А.В. Карташев высказывает свою точку зрения на возникновение «Иванское Сто» как предположение. Прав А.В. Карташев или нет, возможно, покажет отдельное исследование, нам же представляется его точка зрения весьма интересной.

заставить. Кто вольным воздухом дышал, тот в поруб, пусть даже и золотой, больше не ползет. Я волен, и вольным умру.

Ярослав лишь усмехнулся, но пререкаться с царевичем не стал, и высылать тоже не стал, да и сил на это у него не было. За Алексеем стояло вече Новгородское. Вече, которое даже своих дущегубцев-разбойников никому не отдававшее, а тут царевич целый. Уж, какой никакой, а наш «цареградский царевич новгородский», он в переговорах с немцами может быть полезен. Немецкий император по-всякому ниже цареградского, посему Алексей – божий человек это – престиж, а престиж новгородский беречь надо.

Да и в рыло дать царевичу тоже иногда почетно бывает, и упускать такой шанс, новгородцам никак не хотелось!!

Правда, об этом знали немногие, лишь те, кто языком зря не болтали, поэтому жизнь Алексея Васильевича Ласкарис-Комнина Стратилата Родосского, Франкобойцы, не изменилась.

Раскорякиным Лёху прозвали, не за то, что он был кривой или косой, а за то, что называл он молодец новгородских, почему-то по-гречески – Кора⁴³, а когда те по двое или по трое шли, он говорил: «раз кора, еще – разкора». Девушки новгородские, по молодости своей, умом и в те времена не блистали, и думали, что это имя его такое, так и стали его называть Лёха Разкора. Отсюда и привязалось к нему Разкорякин. Хотя сам он был ладен собою, бороду имел чёрную, глаза большие карие.

Третьего товарища, из-за которого в принципе всё это и началось, звали Арсением, или по-простому Сеня, и был он монахом. Появление его в Новгороде было так же связано с чудом. Где-то в 6742 году на Николу Вешнего, если погодные записи нам не врут, после вечерней службы к Владыке на полати Софийского собора, для благословения, попросился никому не ведомый человек. Его еще утром никто на Торгу не видел. На паперти софийской, после службы тоже. Как пришёл он в Новгород никто так и не дознался. Однако слова его были настойчивы, вид имел богобоязненный, одет он был в чёрное, поэтому староста софийского собора Антип, думая, что это паломник, пустил его на хоры, в Библиотеку, где любил сидеть, книжки читая, Владыка Спиридон. Но что бы неизвестный владыку случаем не обидел сам пошёл с ним на полати.

Чего Антип на полати пошёл нам не известно. Не такой уж Владыка слабым был человеком, по молодости ушкуйничал и за себя постоять мог. Скорее всего, любопытство возобладало над смирением, но не нам его судить, ведь только благодаря Антипу мы знаем, что незнакомец принёс письмо Владыке со святой земли самим Варлаамом Хутынским написанное.

Войдя в библиотеку, незнакомец перекрестился на образа и, преклонив колени, сложил руки на груди как перед причастием. Стал терпеливо ждать, когда владыка благословит его. Спиридон, подняв глаза от «Поучения Мономахова» с удивлением смотрел на неразговорчивого незнакомца в чёрных одеждах. Незнакомец перекрестился канонически правильно, но что-то в его движениях показалось Владыке не естественным, как будто он в первый раз крестился в православном храме. Точнее сказать, Владыку смутило то, что незнакомец довольно долго искал взглядом место, где образа расположены, не те которые просто принесли сюда для очистки или украшения, а те которые поставлены для молитвы согласно чину православному.

–Любой на Руси знает, что образа находятся прямо перед тобой, как войдёшь так сразу и крестись. Этот крестится правильно, а образа сразу не видит. На слепого незнакомец тоже не похож, вошёл без помощи Антипа и ни об косяк двери не ударился головой, и не об порог не споткнулся, – думал про себя Владыка, разглядывая пристально незнакомца и не спешил, приветствовать его.

⁴³ Те девушка.

Наконец, поставив еще две свечи и сильнее осветив лицо вопрошавшего Владыка сказал по-гречески,

– Хайре!

–И ты радуйся,– по-русски ответил незнакомец, – позволь к руце твоей приложится, благослови меня, я с письмом к тебе из святой земли,– выпалил на одном дыхании незнакомец.

Услышав последнее, Владыка перекрестил незнакомца, но весь остальной разговор вел по-гречески, изредка перемешивая цитаты из святого Писания поговорками из Вульгаты.⁴⁴

Не зная ни слова по-гречески, Антип смотрел во все глаза и доподлинно видел, как чернец передал свиток, с печатью Варлаама Хутынского Владыке.

Развернув берестяной лист, Спиридон прочитал вслух: «Се аз худший во мнисях, придя на место сеё святое – град Иерусалим, верхом на нечистом, по повелению Господнему, говорю владыке Новгородскому, прими подателя сего, и к князю отправь для служения и покаяния.

Писано в Святом граде, за два дни по пасхе, в 6689 годе от сотворения мира.

Алексеем сыном Михайловым, в иночестве Варлаам».

Бережно свернув грамоту, Владыка Спиридон спросил,

– Кто ты? Как на исповеди отвечай. *Sensu stricto*⁴⁵.

Незнакомец, немного коверкая слова, как это делают дети, недавно научившиеся говорить, поведал владыке следующее,

–Я Арсений *Ex gratia*⁴⁶ монах монастыря Λαύρα Σάββα τοῦ Ἡγιασμένου (Монастырь Саввы Освященного), что находится в долине Иосафата, в Юдоли плача, которая начинается от Иерусалима: идя от Гефсимании, эта долина проходит сквозь монастырь и доходит до Содомского моря. Монашество принял по обету моих родителей в отрочестве. Родители христиане из города Рима пострадавшие за веру, решившие окончить свои дни на святой земле. Когда мы были в граде Святом монах Порфирий, совершивший мой постриг, передал мне это письмо с наказом предать его пастырю Новгородскому через 20 лет. Я подвизался в служении сначала в монастыре девы Марии, потом Саввы Освященного, когда пришёл срок, повез письмо в Неаполь, но там не было пастыря с именем Спиридон. В отчаянии я молиться стал, и бог, через святого Николая, повелел идти в земли гиперборейские в Неаполь (Град Новый) на реке Волхов. И вот я тут!

–Язык откуда знаешь? *Náviget, haéc summá (e)st.*⁴⁷

–Язык выучил, книги читая в монастыре, еще греческий знаю, латинские наречия, арабский.

Знал владыка о чуде, веровал в него, но чтобы вот так обыденно, после службы, на полях Софийского собора, в библиотеке видеть и осязать его, для святителя было необычно и немного страшно.

Любой в Новгороде знает, что в семье купца «Вощаной сотни-Иванское сто» Михаила и жены его Анны родился Алексей, ставший впоследствии преподобным отцом нашим Варлаамом, основавшим обитель в Хутыни вместе с Порфирием и Федором Малышевичами. Преподобный, беса с Хутыни изгоняя по повелению Господа Бога, Отца нашего Иисуса Христа перед пасхой на три дня в Иерусалим летал, оседлав нечистого. Вот теперь лежит перед Владыкой грамота на бересте, в Святом граде самим Преподобным на пасху писанная.

В краткой молитве, возблагодарив Бога за чудо перед ним явленное, Владыка пригласил Арсения к себе. Велел служкам растопить баню и повёл в кельи, епископом Никитой выстроенные, сам, освящая путь в знак уважения духовным подвигом Арсения.

⁴⁴ Довольно грубый перевод Библии с греческого языка на простонародный латинский.

⁴⁵ в «узком» смысле те скажи только о себе.

⁴⁶ По милости

⁴⁷ *Пусть плывёт, в этом всё фразеологический оборот* означает призыв развиваться, идти вперёд, не стоять на месте. В данном случае отвечай так же и дальше не стесняйся, ты на верном пути.

На следующий день после молитвы, Спиридон сам принёс чистые одежды Арсению. Повелев переодеться в новое платье, сказал,

–Значит так, чернец, Sub rosa⁴⁸ поедешь в Суздаль к князю Ярославу Всеволодовичу с моим письмом. Он определит тебя молодого князя Александра учить Писанию и греческому языку. Это будет твое послушание. Береги князя от книг мерзких и от языков льстивых, во благо Пресвятой Богородицы, заступницы нашей, я же за тебя грешного молится, буду.

Недолго длилось отсутствие Арсения, вместе с князем Александром Ярославовичем вернулся он в Новгород и исповедовался Владыке в исполнении своего послушания. Получив благословление, начал жить он в Новгороде при дворе молодого князя Александра, оставшись его учителем, духовным наставником.

Всё было бы ничего, да, как и всякий человек грешен был монах Арсений. Поддался он греху честолюбия, возжелал приход свой иметь в Новгороде, на Ярославовом дворище и непременно в Николодворищенском соборе, князю новгородскому вот уже как лет сто не принадлежащему. Вот во исполнение своего желания пошёл он к князю Александру, с предложением вернуть Николодворищенский собор под сень княжеской власти и с мыслью потаённой, что, как только князь собор получит, и доходы соборные в казну свою соберёт, то сразу его Арсения над соборным клиром и поставит.

На Городище в притворе Благовещенской церкви, после утренней службы, он говорил князю, торопившемуся на завтрак со своими боярами, указательным перстом тыча в лики страдающих грешников, изображённых на фреске «Страшного суда»,

– Ведь, что летописи пишут, послушай княже, «6644. В то же лето (1136.г) оженися Святослав Ольговиць Новегороде и венцяся своим попы у святого Николы; а Нифонт его не венця, ни попом на сватбу, чернецем дасть, глаголя: «Не достоти пояти».⁴⁹

– Не даст тебе епископ благословления и попа для службы, и не пойдёшь ты князь: ни под венец, ни в поход, и чем кормить дружину, и город будешь, а?– вопрошал Арсений, поясняя, приведённый отрывок.

– Святослав, на что Ольгович, так и тот додумался своих попов иметь в Городе, а мы чем хуже? Да и лавки соборные доход в казну твою князь дадут. Я монах, мне земные блага не к чему, я о правде пекусь, и об общем благе!!! – закончил свою речь Арсений.

Князю позиция монаха понравилась, но драться с ониполовцами он не хотел,– новгородцы слишком буйных князей не жаловали и выгоняли из города, не мешкая.

Судится князь, тоже не мог. Судил в Новгороде епископ. Кому Спиридон присудит Никольский собор, и так было ясно. Давно владыки новгородские смотрели с вожделием на прямого конкурента святой Софии – пятиглавого красавца Николу, украшавшего Торговую сторону. Владыка Спиридон не был исключением, и возможность присовокупить к дому святой Софии ещё одну соборную церковь он не потерял бы.

Доходы взять себе надо было бы, деньги всегда важны и в политике, и в жизни. Да и это, то же как-то не с руки делать было князю, хотя доходы с лавок никольских шли не в городскую казну, а в казну святой Софии и новгородцев можно было подбить на раздел чужого добра. Но слишком уж большой полк имел в своём распоряжении владыка и мог за себя, и за честь святой Софии постоять без сторонней помощи, и против князя, и против всего остального Новгорода.

Так, что, как ни хотелось князю, но воплотить в жизнь предложение Арсения он не мог, но и без поддержки тоже оставить его не мог. Ведь за просто так, вернуть себе, в свою казну то, что когда-то принадлежало другим князьям было приятно. Обдумав создавшееся положение в близком кругу, князь приказал Арсению взять, любым способом, ключи от лестничной башни храма у никольского старосты, запереться там, и никого туда, кроме людей княжьей сотни, не

⁴⁸ Под розой, те тайно

⁴⁹ НІВЛ.// ПСРЛ т.4. часть 1. СПб., 1915г.

пускать. Самому же Арсению он повелел съехать с княжьего двора на Рюриковом городище, и жить на полотах Собора, получая еду сразу из княжеской кухни княжьего двора.

Здесь необходимо маленькое пояснение. Сам каменный Никольский собор изначально строился без лестничной башни, но с хорами. Лестничную башню построили позднее лет, примерно, через 40-60, причём при строительстве лестницы была заложена фреска «Иов на Гноище». Фрагменты, которой были найдены в конце 20 столетия. В описываемое нами время то есть в 13 веке от композиции были видны только, само гноище, да ноги Иова, и еще часть лица его жены. Ранее, до сооружения лестничной башни, на хоры, то есть на место где, как правило, находился князь во время литургии, попадали по переходу из княжеского дворца. Там до сих пор на южной стене, над нартексом, на высоте 11 метров над землёй сохранился дверной проём. Княжеский терем или дворец, или если угодно – княжий двор находился в 60 метрах южнее Николодворищенского собора.

Такое, половинчатое решение вопроса о приобретении части собора – его лестничной башни, показало незаурядный ум князя в решении вопроса – как взять то, что плохо лежит? И поначалу только немного насторожило новгородцев. Поэтому, когда они коллективным – демократичным своим разумом поняли, что они-то вообще – то ничего не приобрели, а, скорее всего, потеряли. Ведь той частью собора, где сидел Арсений они теперь распорядиться не могли. Поэтому бессребреника монаха Арсения за еретические мысли и действия при отторжении части собственности у Новгорода, новгородцы во главе с ониполовцами готовы были убить при первой встрече. Что они и попытались сделать, подкараулив Арсения в ночь на Николу Вешнего.

Подобно Ахиллесу в своём шатре, Арсений жил в соборной башне, ни с кем не общаясь лишь творя молитвы и блюдя посты, не обращая внимания на окружавший его мир, который словно в отместку сыграл с затворником злую шутку. Бедняга, проживший всю жизнь в пустыни, где переход из дня в ночь быстр и сумерки коротки, просто не мог предположить, что где-то на земле есть место, где отсутствует ночь как таковая по нескольку месяцев. Как-то, отмеряя время по свече, для вечерней молитвы, он обнаружил, что свеча прогорает, а день не спешит уходить. Арсений сначала подивился, потом, подумав, что это враг рода человеческого хочет сбить его с пути истинного, испугался и ушёл в пост и молитву. Но день прибывал и не молитва и ни пост не остановили его прибавление. Казалось, солнце сошло с ума и не хочет уходить с небосвода. Сжегши всего четыре свечи за одну ночь, вместо восьми он, набравшись смелости, спросил у княжеского повара Вараввы Востроносого об этом, наблюдаемом им Арсением, природном явлении, до сих пор ему монаху не ведомом, не преминув добавить вопрос, – «От бога это или от нечистого»?

Варавва отодвинув два горшка, налил Арсению молока топлёного в кринку и ответил, – Отче, сам не знаю, но тут каждый год так, с апреля до конца июля ночи почти нет. А вот в Суздале я такого, нет, не видел, и в Киеве тоже. Хотя, как говорят купцы, если идти далее вниз по Волхову в Ладогу ночи еще короче.

Отломив кусок еще тёплого, свежего хлеба он протянул его монаху в знак того, что лекция закончена. Арсений, перекрестив дарителя, взял молоко и хлеб, пошёл к себе в башню, размышляя о богатстве замыслов господних, не понятных еще нам грешникам. Через шесть часов благочестивого размышления и молитвенного просвещения до Арсения дошло, – «во время светлой ночи тьмы нет. Она (тьма) отступает, осязаемо, то есть видимо. А если нет тьмы, то нет и бесов. Если нет бесов, значит, ангелы должны быть». Удивлённый смелостью своих силлогических построений, он ангелов, и решил искать.

В ночь, на Николу отчитав положенные молитвы, он осторожно открыл дверь лестничной башни, вышел в нартекс храма. А из нартекса, вдоль стенки, никем, как ему казалось незамеченным, вышел на Торг, где и был схвачен четырьмя неизвестными в берестяных масках. Неизвестные быстро и умело скрутили Арсению руки, и методично стали избивать его, изредка

меняясь местами. Плохо пришлось бы монаху, если бы не Васька с Лёхой, не проходили бы мимо.

Друзья, в ту ночь, возвращались с Божьего суда между Фролом и Лавром – соседями, жившими бок о бок, вот уже лет как двадцать, на самом конце Славенского холма, где загородная улица упирается в Большую Пробойную.

Фрол был бортником – пчёл искал и разводил в лесах новгородских. Лавр рыбачил на Волхове, рыбу солил, и коптил впрок. В трудные времена голода и, или морового поветрия они помогли друг-другу, и хозяйство вести, и детей растить. У Фрола была дочка – лупоглазая отроковица с соломенного цвета волосами и конопатым носом. У Лавра сын невысокий подросток со скромным взором и сильными узловатыми руками. Живя рядом и вместе коротая вечера, когда родители пропадали на работе, один по лесам ходил, второй сети ночами ставил, дети слюбились друг с другом, не видя в этом никого греха. Плод невинной страсти, в виде округлого живота, был обнаружен, уличанским попом Афанасием, на шестом месяце, когда травить плод или скрывать, что-либо было невозможно и бессмысленно. Лавр, несколько раз угостив сына берёзовой кашей, вынужден был признать, что исправить поркой порок невозможно, пошёл к соседу оговаривать условия свадьбы и размер приданого. Свадьбу решили справить сразу в пятницу, а вот с приданным вышел казус. Фрол просил, за поругание девичьей чести и дружбы соседской, полгривны или суда Божьего. У Лавра деньги были, но он посчитал, что отдавать их соседу как-то не с руки, он и так ведь брал в семью товар не первой свежести. Решили устроить Божий суд, а чтоб без подвоха было решили пригласить Ваську с Лёхой как людей к новгородским порядкам непривязанными и поэтому честными. Идя на суд, после утренней службы друзья не знали, что будут драться между собой, и поэтому для развлечения начали диспут о тезисах Иоанна Эригены, а когда узнали, прервали диспут и потребовали медовухи выдержанной – знаменитой – Фроловской. Фрол делал её только зимой. После того как медовуха подойдёт, он выставлял её на мороз, оставляя на день или на два, потом он выбрасывал лёд из бочонков, а то, что оставалось, закатывал в бочки и хранил целый год. Лишь на второй год он открывал бочки, и пользовал друзей, и архиепископа крепким напитком. Для решения своего дела в свою пользу Фрол не пожалел и двух вёдер драгоценного напитка. Видя такое начало решения дела не в свою пользу Лавр, для подкупа бойцов, выставил рыбу красную с икрой чёрною. Васька с Лехой выпили, крякнули, закусили, и попросили робко хлебушка ситного. Драться им никак не хотелось. Для раззадоривания и куража выпили по третьей, а потом по четвёртой. Кураж не шёл. Сидеть вдвоём им наскучило, и они позвали за стол две противоборствующие стороны. Зная нрав и силу гостей, хозяева, не раздумывая, согласились и робко, скромно, бочком сели за стол. Гости налили им. Хозяевам пить, не хотелось потому, что Фролу не хотелось «свою» гривну терять, Лавру эту гривну отдавать. Пришлось друзьям прибегнуть к лёгкому пока еще вербальному убеждению.

–Тебя Василий Фрол, небось, не уважает?– спросил Леха.

–Видно, что и тобой твой Лавр брезгует – ответил Василий.

Во время этого незамысловатого диалога Леха невзначай показал Лавру кулак, а Василий Фролу руку на плечо положил. От таких нежностей у хозяев немного побледнели лица, и немного стало проявляться слабость в коленях в виде мелкой дрожи. Когда хозяева, смущаясь, выпили по третьей, завязалась общая беседа, и друзья непринужденно попросили принести еще по два ведра. После вечера они все, уже дружной компанией, просили попа уличанского Афанасия выпить за здоровье молодых и обвенчать их немедленно. Что батюшка видя, то, как дело обошлось без кровопролития, с радостью и сделал. Когда молодых отправили в баню париться, Лёха с Васькой вышли из-за стола, и отправились по домам, вдоль по Пробойной улице, продолжая рассуждения об Иоанне Эригене и его учении.

Васька, имевший дома библиотеку, составленную еще первым попом колмовским, который, как известно, принадлежал к ирландской ветви бенедиктинского ордена, чувствовал себя

в подобных спорах более уверенно. Ведь в отличие от друга он мог всегда прочесть первоисточник, а именно выдержки из трудов, Иоанна Скотта Эригены, – «Объяснение трудных мест Иоанна Богослова» и «О разделении природы».

Поэтому, пройдя несколько шагов, он продолжил, прерванный застольем – «Божьим судом», утренний диспут,

– Осязаемая нами Натура – это вселенная разделенная на четыре части – бытия: творящее, но само несотворённое; сотворённое и творящее; сотворённое, но уже нетворящее; несотворённое и следовательно и нетворящее. Под осязаемым, я подразумеваю так же и умственное, то есть образно-мыслительное постижение, к которому я отношу так же и молитвенный опыт.

–Точнее сказать мистический, а умственное постижение уместнее называть метафизическим, – дополнил сентенцию друга Алексей.

– Согласен, хотя это роли не играет, ибо понятие творящее, но само не сотворённое необходимо считать Богом, о котором нам знать не положено – торопливо продолжил Василий, усиленно соображая, где его друг поставил логическую ловушку в сказанном предложении о метафизике и мистике.

– Нет, в этом случае, мы подходим к ереси, ибо молитвенное постижение благодати присутствует, а это значит, что всё-таки Бог, в проявлении благодати, постижим и осязаем. Конечно не выходя за рамки разумного, то есть ограниченного постижения Бога, ограниченным человеческим разумом.

–Все в рамках разумного,– согласился Василий, перебивая вербальные рассуждения друга.

– Так, если есть молитвенное постижение Бога, то должно быть и постижение врага рода человеческого, который есть дух бесплотный, но явственный,– продолжал Леха.

–Не согласен,– ответил Василий.

И продолжил скороговоркой, боясь быть прерванным новой сентенцией Лёхи,-

– Опыт, то есть факт, имеющийся в наличие, говорит, что ты Лёша не прав. Когда с Хутины Бесов сгоняли, они в дом наш влетели, и кружки побили, а пращур мой дом спалил и бесов с ним, значит явственные они и из плоти, – с радостью победителя сказал Василий.

Обогнув апсиду Николодворищенского собора, словно в доказательство своим словам он увидел странную, почти мистическую сцену. Четыре бесовские хари вместо христианских лиц и эти хари бьют святого человека перед храмом. От увиденного, он опешил и ткнул Лёху локтём под ребро. Тот тоже встал и от удивления рот открыл. Но друзья быстро взяли себя в руки и, не сговариваясь, решили встать на сторону сил небесных против сил адских. Лёха ударил первым. Когда от его удара, правой в левую скулу ближнего черта, харя отлетела, он с удивлением обнаружил, что ударил он не чёрта, а Поросю плотника. Поросю от удара взвизгнул как поросю и, пользуясь тем ускорением, что дал ему Лёхин удар, побежал в сторону церкви Параскевы Пятницы так быстро, что Васькин пудовый кулак лишь чуть задел его спину. Васька от обиды крякнул и со злости двинул левым в под дых ближайшего беса, который от удара скрючился и сел на землю едва дыша. Двое других, увидев это, кинули битого монаха Арсения в руки спасителей, сами поспешили скрыться с места преступления неузнанными. Вася наклонился к сидящему на земле разбойнику снял с него берестяную маску и со словами, – «погань ониполовская» дал ему ещё раз, но уже по лбу. От удара разбойник совсем пал духом и перестал подавать признаки разумной жизни, а только сидел, икая и хлопая глазами.

–Захарка это, Давида золотаря племянник, в ногах слаб, да разумом совсем обделён, – сказал Василий, осматривая «беса» им поверженного. Он, пользуясь временной немощью Захарки, быстро и сноровисто прощупал пояс, внимательно осмотрел шапку надорвав подклад. И со словами,

– Нечего ночью на людей нападать, – найденные деньги положил к себе за пояс, чем сильно обескуражил чернеца. Алексей увидя растерянность на лице чернеца спросил.

– Как зовут тебя отче?

– Арсений, я княжий поп, живущий на полатах Собора, – ответил монах.

– Я Лёха слуга Владыки Спиридона-грек, а это Василий с Колмова он -ушкуйник, – представился за себя и за друга Алексей.

– Что же заставило тебя выйти ночью на Торг, где и днём, порой опасно одному появляться, – спросил Василий.

– Отсутствие ночи и заставило, – ответил Арсений и поведал друзьям о своём открытии нового, природного явления, доселе ему не ведомого, а именно светлой ночи, когда тьмы нет. А если нет тьмы, то нет и бесов, а вот ангелы должны быть, вот ангелов он Арсений, и пошёл их искать, а тут эти четверо.

– Думал сейчас, в ад эти черти меня живым уволочут, – подытожил сказанное со смехом Арсений.

Лёха с Васькой тоже вежливо посмеивались рассказу монаха. Но тут вдруг настала непонятная, немного тягучая тишина, когда сказать вроде нечего, а расставаться не хочется

Тишину прервал наиболее быстрый разумом Лёха вопросом,

– Давно ли ты на Руси?

– Ну, около года, – ответил Арсений.

– И чего так всего и не понял? – доспросил Василий.

– Ну, многое понял, хотя хочу справиться у вас, в чем разница между Мёдом и Медовухой. Я медовуху пил и пиво тоже, разумом дошёл, что во время поста пить их грех. Но тут, вот на соборных сенях повар Варавва Востроносый хранит несколько бочек из дуба сделанных и говорит, что, и в пост пить такой мёд не грех. Так, что же это за напиток такой скажите?

Лёха сглотнув горлом, спросил,

– Там трезубец есть?

– Есть. – ответил Арсений.

– Какой? Нарисуй!!

Арсений нарисовал шепочкой на земле трезубец такой же, как на бочках.

– Смоленских Ростиславичей мёд. Позапрошлогодний, – сказал со знанием дела Вася, едва кинув взгляд на рисунок монаха.

– Напиток хороший и в пост пить не грех, – сказал слуга Владыки Алексей.

– Мне Варавва по приказу князя две бочонки выдал, может, испробуем? Но для начала помолимся. А.? – предложил Арсений.

Возблагодарив господа в краткой молитве, Арсений пригласил друзей к себе в башню, продолжить прерванную ночным происшествием беседу, и дожидаться там утра. Друзья, постеснявшись для вида, согласились через два «Отче». И на хорах собора, в ту ночь, были выпиты: первая чаша хмельного мёда за силу разума, вторая за дружбу и третья за взаимоуважение. Так было положено начало бескорыстной дружбе. Просто Дружбе, то есть Дружбе за просто так. Правда, в ту ночь был один минус. Княжий повар Варавва некстати проникся любовью к святости Арсения, что вот уже вторую неделю потчевал монаха только хлебом и молоком со сливками, что конечно полезно и приятно для здоровья духа и тела во время поста, но с мёдом плохо сочетается!!!!

Друзья сначала ходили, друг к другу в гости, но, вскоре убедившись в неудобстве такого хождения, каждый день за три поприща, решили, что собираться лучше на Торгу, не смотря на угрозы буйных нравом новгородцев. Тем более, что двое на Торгу торговлю держали, а третий просто там жил.

Так и жили бы друзья мирно и спокойно, проводя время: в дружеском общении; натурософских изысканиях; и в поисках истины посредством изучения замысловатых узоров на дне

двух или трёх пинтовых сосудов с пивом или вином. Такое количество питья, согласно уставу святого Бенедикта, употреблять и монахам во время поста не возбраняется. Если бы летом 6748 года, точнее в начале июля староста чуди невской, крещёный Пелгусий, не появился на князем дворе с вестью для князя, что флот ромейский встал в устье Ижоры. В прямой видимости от заимки Никиты Захарьевича, что из Кучковичей, расположенной на Заячьем острове в устье Невы. Еще староста говорил, что в тумане видел он сани⁵⁰ с Борисом и Глебом. Последнее известие о святых Борисе и Глебе заставила Василия осведомиться у старосты,

– Много ли на заимке Никиты Захарьевича, что из Кучковичей вина красного ещё осталось после видения?

На, что Пелгусий честно ответил, что еще много, и отдавать своим такое богатство, для крещения и святого причастия чуди невской предназначенное, есть грех смертный. Получив исчерпывающий ответ на конкретный вопрос, Василий, повернулся к Лехе и спросил,

– Лёша, а не принести ли нам на первую службу, брата нашего названного Арсения в соборе, вина красного для причастия христианского князя?

– Для причастия? – уточнил осторожный грек.

– Конечно для причастия, по ложечке утром для здоровья и во спасения душевного, – с обидой в голосе ответил Василий.

– А Кучкович как? Он, небось вино для Кучкового поля берёт, там у него то же заимка, вернее у сродственника его, ну того праправнучатого племянника, который наследовал двор после того, как Юрий Долгорукий его прапрадядьке голову оттяпал за вредность и непослушание, – возражал Леха.

– Ну, так мы поделимся! Мы же не грабить, мы же по делу, для службы то есть для красоты душевной. Послушай, как это звучит по-гречески, – психокосмическая литургия. Правильно ведь? Душа – психе, красота – космос. Литургия – служба. Или, чего не то? – обосновывал своё предложение Василий.

– Это надо у Владыки Спиридона спросить с Арсением, – не унимался Лёша, с уважением взирая на друга, который обыденное пьянство назвал так красиво, «психокосмическая литургия».

– Ну, так пошли, чего тут на дворе стоять? А то укатят с князем в Рюриково городище планы строить, да на рыбалку собираться. Или того хуже поедет по Мсте князь соль, собирать, которая по ряду ему положена. Это надолго до сентября не управится.

– Пошли. Но только по переходу в собор, а не через Торг. Я видел, как привезли товары на Великий ряд, не будем отвлекаться.

– Я!?, как скажешь Лёша, – согласился Василий, видимо рассчитывая нагнать упущенное сегодняшнее наслаждение от распития свежего пива, послезавтрашним наслаждением от распития красного вина в больших количествах и за бесплатно.

Поднявшись на хоры, они там Арсения не обнаружили. Василий спросил с хор у служки, – Где монах Арсений?

Бедный служка узнал голос Василия и со страху выдал всё, что знал и слышал сегодня тайком на Торгу,

– Ушёл он, с князем в дом святой Софии часа уж три назад. Как староста наш говорит Ладогу своим продать, а деньги поделить, и нам ничего не дать! – надрывно, чуть не плача проскулил отрок.

– Да, богата дурным зломыслием земля Великоновгородская. И откуда всё берется!?! – прокомментировал услышанное Лёша.

– Ага, – просто согласился Василий.

⁵⁰ Хоронили тогда в саях, следовательно, святых в лодке видеть он не мог.

Любой дурень знал, что без Ладogi хмеля для пива в Новгороде не будет, природа дивноумностроенная, почему-то решила, что хмелю лучше расти у Ладogi.⁵¹ А не кабы, где-либо. И не было отродясь в Новгороде князя, который бы отказался от Ладogi. Слишком уж глупых князей новгородцы не призывали, а слишком жадных быстро прогоняли, порой без платы за княжение.

Друзья, поспешно спустившись с хор, лёгкой рысцой пробежали Торг и Великий мост, но все равно опоздали. Князь уже простался с Владыкой, Арсений стоял за Епископом и ни на кого не глядя, что-то торопливо писал на церах. Прощание в купе с благословлением заняло еще около часа. Друзья терпеливо ждали, наконец, Спиридон снизошёл до них и позвал к благословлению. Получив, благословление друзья молча ждали дальнейших указаний.

–Арсений, всё ли ты записал, что видел? – спросил Владыка.

Монах лишь молча кивнул, занятый правкой текста он был весь увлечён этим литературным занятием и не вполне владел своими другими чувствами.

–Читай,– приказал владыка.

Немного помявшись, монах прочёл,

– «Услыхав об этом, Александр, разгорелся сердцем, вниде в церковь святыя Софьи (в Новгороде), поде на колену перед олтарем, нача молиться со слезами... и восприим Псаломную песнь рече: суди, Господи, обидящим мя, возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит, стань в помощь мне. Скончав молитву, встав, поклонися архиепископу, архиепископ же Спиридон благослови же его и отпусти».

– Все, всё слышали?– спросил Спиридон.

–Да,– ответили друзья.

–Ну, так вот слушай мое послушание. Конно и ружно к князю сегодня, чтоб до вечери быть. Охранять его будите в сече, и чтоб без князя, мои глаза вас грешников не видели, – приказал владыка

–Как можно отче?– спросили обиженно друзья, разом в три голоса, тронутые до глубины души доверием Владыки и значимостью своей миссии защищать молодого князя.

–Цыц,– прервал душевный порыв друзей владыка.

– Арсений, мне ключ отдай от башни. Василий, слово дай, что пить не будешь. А ты Алексей, с возов бочки с новой медовухой сними. Она без тебя у меня в подвале дойдёт, а возы для похода в дружину отдай.

Отдав наказы, Владыка приподнял полы одеяния левой рукой, а правой тяжело опираясь на посох, пошёл молча в притвор святой Софии, молиться в одиночестве, оставив свою братию с внешней стороны собора.

Друзья опечалились, но выполнили наказы и после вечери неотягощённые питием и грехами, весело шагали вниз по Волхову в сторону Ладogi, вместе с княжескими дружинниками.

Описывать необычайные трудности похода молодого князя и его дружинников нет смысла, ибо их не было, а если их не было то нечего выдумывать и писать о: палящем солнце, непроходимых лесах, диких зверях, которые мешали, выполнению, казалось самим Богом поставленной задачей, выгнать свеев с земли Русской.

Кроме того, как выгнать свеев, необходимо было ещё вернуть в новгородскую казну имущество ижоры и чуди награбленное людьми богопротивного клятвопреступника ярла Ульфа Фаси. Вопрос о возвращении награбленного добра его честным хозяевам – ижоре и чуди, вообще не рассматривался, ни князем, ни новгородцами. Война она кому мать родна, а кому и мачеха. В следующий раз умнее надо быть и добро прятать, а не ждать милости от своих защитников – ратников, жизнью своей за хабар рискующих. Всё вышеперечисленное нужно

⁵¹ Профессор Е.Н. Носов основываясь на фактах сказал, что основная культура возделываемая в Ладогe был хмель.

было сделать как можно быстрее так, чтобы чуди и ижора успели зверя набить, и запасы на зиму сделать, и пушной урок Новгороду вернуть.

Ведь Урок от чуди и ижоры, – ежегодные налоги по-современному, посадники новгородские тоже отменять не собирались. Кто же тогда содержать новгородское государство будет? Сами посадники? Они ж и так каждый божий день пребывающие в трудах и заботах об неразумных детях своих, некрещеных племенах чуди и ижоре, что бы ввести их в лоно веры истинной – православной. Такова была правда жизни, того дикого, нецивилизованного времени, в первом демократическом государстве на Руси.

Небольшое войско: дружина князя и новгородские полки, общим количеством не более пяти полков, прекрасно понимали поставленные перед ними задачи и, не рассуждая, делая по 40 вёрст в сутки, двигались навстречу брани. Современному читателю, чтобы иметь полное представление о походе русского войска, нужно понять, что тогда дорог не было вообще, а были только пути, то есть просто направления. Идти воину быстрее по пересечённой местности, с полной выкладкой, и в наше время невозможно⁵².

Вот войско князя и шло, по берегам Волхова через леса и болота, по направлению к реке Ижоре, о которой было известно, что течёт она недалеко от заимки Кучковичей, вольготно раскинувшейся на южном конце Заячьего острова.

Дальнейшее известно и подробно описано, поэтому мы вкратце напомним общепринятые истины про Невскую Битву, затем мы же расскажем о том, что ускользнуло от пера летописцев как новгородских, так и западноевропейских.

Общеизвестно, что в 11 утра 15 июля 1240 г. от рождества Христова русские полки под предводительством юного князя Александра Ярославича неожиданно подступили к шведскому лагерю и «ту бысть велика сеча Свеем» по словам летописца.

Но никому сейчас неизвестно, так как не описано: ни летописью, ни житием, и никаким любо другими письменным источником, как и почему князь смог неожиданно подойти к шведскому лагерю? Дело в том, что с 25—26 мая по 16—17 июля в устье Невы белые ночи. Скрытно подойти к войску противника, под покровом темноты, в белые ночи, затруднительно. Мы добавим даже очень затруднительно. Кроме того, костров перед боем не разведёшь, дым от костров может быть замечен, издали, и выдаст расположение войска. Как следствие такого развития событий неожиданного удара по превосходящему численностью врагу не будет. Следовательно, что бы неожиданно подойти костров разводить нельзя. Из чего следует, один не очень приятный для воина вывод, что пойдёт он – воин, в бой без горячего, практически на голодный желудок. А, как известно война это труд, а трудиться на пустой живот трудно и не продуктивно. Как тут быть? Победа почти всегда складывается и из таких мелочей как горячая каша.

Молодой Ярославич нашёл выход. Воспользовавшись тем, что корабли снаряжать дольше и дороже, он приказал посаднику, по совету Владыки, пустить корабли, нагруженные провиантом, вслед за войском позже на день. Мысль Владыки – старого ушкуйника, была простой. Войско идет, корабли стоят, войско встало на ночёвку, корабли пошли, утром встретились, войско поело, и сытое пошло уже не пешем, а на корабликах. Прошли днёвку, к вечеру кораблики встали, на бережке повечеряли дружинники, и опять ночью пошли на корабликах. Два дневных перехода войско шло не обременённое большим обозом. На третий день, где-то в районе Чудово князь, погрузил провиант на вьючных лошадей и, отпустив корабли в Ладугу, сам же резко повернул на север. И через три дневных перехода оказался против шведского лагеря.

На стрелке Невы и Ижоры

⁵² Правда были и исключения, но мало. Быстрее шли только легионы Божественного Гая Юлия Цезаря, и Ляксандра Васильевича Суворова, но то были скорее полубоги.

Лёха с Васькой сложив руки замком, подбросили князя на ближайший сук самой высокой сосны. Взобравшись на сосну, Александр осмотрел спящий боевой лагерь противника, потом, прыгнув вниз на руки Лёхи и Васьки, дал приказ, «всем спать без брони и оружия, там, где придется, не разжигая костров!». Князь рассчитал правильно, усталость возьмёт вверх, воины уснут, но предутренняя прохлада не даст спать долго. А не заходящее солнце быстро согреет его полки от утреннего холода.

Как не таился князь с войском, шведы догадывались о его приближении. Местные аборигены чужд да ижора – те, которые ещё не крещены были, сообщили им о приближении войска князя. Одного шведы знать не могли численность дружины княжеской. Поэтому исходя из общепринятых правил ведения войны, равно как и от опасения неожиданного нападения неизвестного по численности врага, шведское войско вынуждено было укрепить свой стан на берегу Ижоры.

Осознав, что неожиданного нападения не получится, его дружину шведы ждали, иначе бы с чего они так лагерь укрепили. Князь, после двухчасового раздумья, разрешил воинам наготовить тюри перед боем, но костров не разжигать. Тюрю было приказано готовить на каждое копьё⁵³ сообща, а не врозь. Вызвано это было тем, что тюря представлявшая собой хлеб, размоченный в медовухе могла в больших количествах вывести ратника из строя за долго до начала боевых действий. Дал он воинам на завтрак всё время утренней службы, как служба кончится так в строй.

Сам же князь, приклонив колена, велел Арсению служить утреню, как будто ничего и не было.

Часам к 11 князь велел строить полки с правого крыла шведского войска. Полков было пять: княжеская дружина; дружина Гаврила Олексича и дружина Сбыслава Якуновича, дружина Миши Прушанина, полк Никиты Захарьевича, что из Кучковичей.

Никита Захарьевич привёл больше всех ратников. Кроме собственно его личной дружины, были еще его данники – суровые поозеры. Эти вообще смерти не боялись.

Жизнь этого маленького народца, проживавшего на левом берегу Ильмень озера была настолько рискованной, что новгородцы девок позерских в жёны не брали и сыновей своих на позерских девках не женили. Жили поозеры одним промыслом, – круглогодичной рыбной ловлей. Если мороз за 20 градусов ниже ноля был, то руки в воде грели, если шторм на Ильмене, то сети всё одно ставили и убирали, чтобы рыба в сетях не сгнила и гнилью своей сети не испортила. Поэтому жили поозеры недолго и редко кого на погосте хоронили. Ильмень был кладбищем для позера. Если в семье погибал кормилец то на лов выходили вдова и, так же как, и муж, смерть принимала. Не было, поэтому у поозеров блуда вдовьего. Недолго вдовы вдовствовали. Смерть милостиво всех прибирала.

Князь выбрал построение клиньями – по три копьё в клину. Десять клиньев полк. Поясним для людей несведущих в военном деле: – пацифистов и современных двоечников. Со стороны это выглядело так, большой треугольник, состоящий из десяти маленьких треугольников. В каждом маленьком треугольнике три копьё, то есть 15-18 человек. Этот строй давал одно преимущество он решал проблему не защищённых боков воина. При боковом ударе воин, чтобы отразить его щитом, вынужденно открывал грудь, что было опасно. Когда воин стоял в клину, то был защищён щитами товарищей. Кроме того, клин позволял сконцентрировать на узком участке прорыва большее число воинов. Минус такого построения опасность глубокого обхвата с флангов и окружения клина.

Князь, хорошо понимая все плюсы и минусы выбранного им, воинского строя, не рисковал, так как увидел главный недостаток шведского лагеря, его сдавленность, которая не давала

⁵³ Копьё – воинская единица .как правило из 5-6 чел.

возможность шведам маневрировать. Поэтому обхват его клина, то есть манёвр, шведы сделать не могли.

Князь, встав во главе клина, оберегаемый слева Василием, а справа Алексеем. И со словами,

–Архистратиге Михаиле поможи нам!!!,– повёл полки новгородские на шведские щиты. Сначала шагом, потом в 20 саженьях от линии шведских щитов перешёл набег. Всё войско, показав прекрасную выучку и слаженность, сделало то же.

Князь, проиграв в количестве ратников, бесспорно, выиграл в их качестве. В результате слаженного натиска всего новгородского войска на довольно узкий участок шведской оборонительной линии, шведы не выдержали. И шведский строй треснул, именно треснул, а не был прорван, так как при прорыве строя его еще можно прикрыть, а трещину никак не прикроешь, она всегда стремится к расширению.

Однако вскоре, когда полки уже вели бой внутри лагеря, князь дал приказ к частичному отходу. Александр боялся, что увязнув в шведских порядках его войско, будет просто раздавлено массой врагов. Он мог только стремительно атаковать, но никак не завязывать глубокий бой. Шведы получили передышку, перестроились, но в контратаку не пошли, у них просто не было места для развёртывания строя для атаки.

Вторую атаку князь направил против самого ярла Ульфа Фаси, его шатёр вызывающе гордо возвышался среди лагеря. В этот раз князь не призывал в помощь архистратига Михаила, он просто встал, поднял копьё с хоругвью, дождался, когда около 100 ратников соберутся вокруг него, и молча двинул полк вперёд.

Сам ярл Ульф Фаси трусом не был, и когда он осознал всю трагичность положения своего войска, а именно невозможность организации активной обороны по всему фронту, Ульф Фаси взял у своего щитоносца тяжёлый двуручный меч и пешим пошёл на ратников князя, увлекая за собой рыцарей. Контратака рыцарей в пешем строю была опасной. Ульф Фаси сумел, на узком пяточке земли, выстроить нечто похожее на фалангу, строй, которой состоял из рыцарей с двуручными мечами и щитоносцев. Ульф Фаси на ходу приказал разойтись ратникам внешней линии – охранения, и вышел навстречу полку князя из лагеря. Ярл рисковал попасть в окружение, быть убитым или хуже того пленённым, но, по-видимому, решил, что лучше погибнуть с честью в бою, чем быть зарезанным подобно покорной скотине на скотобойне.

Встречный бой был ужасен, шведы шли, распевая псалмы, новгородцы шли молча, лишь изредка крестясь. Копейщики новгородские бросили копьё, и каждое копьё нашло свою цель, вонзившись в щиты свеев. Шведские щитоносцы, побросав щиты которые уже нельзя было использовать из-за новгородских копий, глубоко засевших в них, были вынуждены уйти с поля боя за ненадобностью, оставив своих рыцарей без прикрытия. Но ярл был умелый воин, подняв свой меч, он бегом побежал на русский строй и врезался в него подобно стальному клинку в масло. Он сразу, один пробил две линии новгородских червлёных щитов. Следующие за ним рыцари не оставили своего командира и шутя смяли всю первую линию новгородцев. Ярлу нужен был князь, и он шел к нему, сквозь ряды новгородцев, для нанесения главного удара, который изменит ход сражения. Когда до князя оставалась лишь одна линия воинов, князь шёл в третьей шеренге полка со знаменем в руках. И, Ярл, мог достать его двуручным мечом, и когда уже он опускал меч, на шлем князя, предчувствуя победу в поединке. Его меч неожиданно наткнулся на не преодолимую преграду, состоящую из римского гладиуса и колмовского топора⁵⁴.

⁵⁴ Колмовчане люди бережливые, поэтому они, чтобы не тратить деньги дважды, на заказ плотницкого топора и боевой секиры, соединили всё воедино, получился топор – с толстым обухом и пером в половину от секиры. Колун не колун, а дерево срубить можно, и голову врагу тоже!!!!

Потом тяжёлый меч ярла отлетел со звоном назад, заставив всей своей массой, попятится и хозяина. Затем два щита прикрыли грудь князя, а гладиус и секира вдруг опустились разом на голову ярла. Ярл Ульф Фаси, (молодец!!), отбил двойной удар, но был вынужден отступить шага на два. Этого оказалось достаточно, для того чтобы русские щиты, выстроили линию, а копейщики, выставили копья все разом, вдруг – построив полноценную фалангу. Снова наступать, на русский строй пусть хоть и с двуручными мечами, но без щитоносцев, шведы не рискнули, и яростно отбиваясь, и ругаясь от досады, вернулись в лагерь.

Третий удар князь готовил долго, только через час после сшибки с ярлом Александр смог снарядить полки для следующей атаки. Он намеривался одновременно двумя ударами: вдоль берега, и сразу по центру, отсечь шведов от кораблей. Атака новгородцев была удачной, шведская линия была прорвана в двух местах: с левого фланга и по центру. Рассечённое с двух сторон шведское войско полностью лишилось оперативного управления боем, теперь каждый из шведов дрался за себя, за своё копьё, за свой корабль. Лишь численное превосходство шведов и отсутствие резервов у Александра, не дали бою превратиться в резню деморализованного противника.

И вот ко второму часу пополудни, когда триумф князя и русского воинства был уже близок, над полем брани пронеслись подобно шелесту ивы на ветру слова,

– Лоды бери.

И невесть откуда взявшиеся десять босых бородатых мужиков, в исподнем белье, но с засапожными ножами на поясе, пробежали лёгкой рысцой вдоль берега, через поле битвы к ближайшему купеческому кораблю. Влезли на него через фальшборт и по команде, – Своё берем, – начали быстро и споро, не обращая внимания на битву сматывать такелаж корабля и снимать его парус. Смотав такелаж, они передали его вниз к таким же молчаливым мужикам в исподнем, которые, уже выстроившись цепью, вот уж как пять минут, были готовы, принять товар и отнести его подальше от хозяев.

Шведы долго ничего не могли понять, лишь, когда молчаливые бородачи раздели второй корабль, до них начала доходить крамольная мысль, что их не только бьют, но и грабят. Причём грабят тогда, когда ещё исход битвы не решен. Такого нарушения законов ведения войны они ещё не встречали. Но делать было нечего, корабли надо было спасти, иначе о возвращении домой можно было смело забыть. Ярл Ульф Фаси дал команду отступать по всему периметру обороны к кораблям. Шведское войско нехотя, с трудом держа некое подобие строя, начало медленно откатываться к кораблям.

Как только мужики в исподнем увидели подозрительное шевеление шведов, которое могло бы им помешать работать кораблики, не весть, откуда прозвучало не громко, но настойчиво,

– Хабар храни.

Услышав эти слова десять ратников новгородского войска, повернулись спиной к шведам и, забыв о сражении, бегом побежали к кораблям, где встали строем, грозно наклонив свои копья по направлению к предполагаемому противнику.

Увидя, что мужики и добро прикрыты от нападения шведов и других супостатов, неведомый руководитель этого предприятия скомандовал,

– Хабар неси.

И мужики, выполняя приказ невидимого руководителя, разом спрыгнув с корабля, нагрузившись награбленным добром, рысцой, побежали в сторону леса, стараясь не попадаться на глаза другим русским дружинникам и хозяевам кораблей.

В русском войске тоже произошли изменения, из-за того, что часть воинов занялась грабежом, и ушла с поля боя, оно вынуждено было уменьшить натиск на боевые шведские порядки и продолжать активные действия только в центре. Однако угроза потери темпа наступления не помешало русским продолжить ранее начатое раздевание кораблей шведов. Ватага Гаврилы

Олексича раздевала кораблики, а ватага Сбыслава Якуновича, обеспечивала вынос товара с поля боя. Никита Захарьевич, что из Кучковичей полностью вывел свой полк с поля боя и занялся безудержным грабежом кораблей. Его люди брали всё, а не только такелаж, очищая трюмы кораблей от вина и жита. Никита Захарьевич лично, для пользы своего дела поставил широкие сходни с кораблей и, не боясь ни врагов, ни соратников скатывал уже шестую пузатую бочку с вином. В стороне от грабежа, незащищённого противника, оказались лишь князь, да Миша Прушанин. Они наступали по центру и, как и шведы, они не могли предположить, что часть их войска займётся самообогащением, а не защитой земли русской. Впрочем, Миша Прушанин, был коренной новгородец и, зная обычаи своих соратников, смог догадаться, что кораблики уже раздевают. И раздевают, кораблики без него и его людей. Он усилил натиск, отбил у какого-то богатого шведа коня. Потом, решив наверстать упущенное время, пустил коня вскачь, пробился к кораблю, с которого спущены были самые широкие сходни. Не слезая с коня, он пытался въехать на палубу. И оттуда сверху созвать своих людей на честной грабёж. Вот, когда цель казалась, была уже близка, передние ноги коня уже стояли на палубе Никита Захарьевич, что из Кучковичей быстро и доходчиво, одним ударом в нос Миши Прушанина объяснил ему, что брать чужое грех. Миша, удержавшись в седле, вместе с конем, с высоты полутора саженьей, грохнулся вводу, поднимая тучи брызг. Делая безуспешные попытки поднять коня на ноги, что бы выйти на берег, он также услышал,

– Только сунься еще, морда прусская.

Выйдя, наконец, с пятой попытки, на берег Мишаня быстро осознал, что до кораблей ему не добраться – свои не дадут. С досады он начал подумывать о возможном пленении богатых шведских рыцарей, чтобы потом вернуть их родственникам за выкуп или продать кому-то еще. Точнее тому, кто даст больше. Но сразу разочаровался в своих мыслях. Кто же тут в этой суматохе скажет, что он богатый и полезет в колодку пленника добровольно?

– Держи меня Мишаня, продай в рабство!! Ага, вот так оно и будет!???

Нарисовав такую картину, Миша ударил коня меж ушей с досады, и от бессилия. Конь от боли и обиды встал на задние ноги, подняв на мгновение Мишу над полем боя.

Чего оказалось вполне достаточным, что бы Миша увидел, как из шатра, с сине-жёлтой хоругвью на луковке, выходит ярл со слугами. Потом он разглядел как ярл, размахивая руками, указывал на корабль с сине-жёлтым флагом, как к ярлу подбежали ратники и начинали строиться в колонну, как ярл махнул рукой и колонна начала движение в сторону корабля.

– Есть Бог на небе, – сказал про себя Миша и, свистом собрав свою ватагу, слез с коня и пешим пошёл грабить шатёр ярла. Благо хозяин решил уйти загода.

Успешно и благополучно занимаясь грабежом захватчиков, новгородцы оставили своего князя без присмотра. Александр под опекой опытных воинов Васьки с Лёхой увлёкся и дрался с личной охраной ярла в пяти саженьях от шатра ярла, в самом центре шведского воинства.

И как тут было не увлечься? Васька с Лёхой дрались красиво и слаженно, словно танцевали в паре на пиру. Васька словно ни куда не торопясь плавно вздымая колмовский топор, и, на счет раз, два, три ломал щиты, предплечья, руки, а самым глупым и несчастливым раскраивал головы. Со стороны это выглядело так, небольшая раскачка, плавный взмах – на раз. На счёт два топор замирал на мгновение над головой Васьки, словно выискивая цель. Затем на счёт три опускался вниз. И так снова раз за разом, раскачка, фиксация, удар. Что бы враг случайно не достал его своим оружием, и Боже упаси не нанёс ненароком Васе рану. Василий на третий взмах либо делал шаг вперед, либо назад, либо вбок, в зависимости от боевой необходимости. Кинетической энергии обуха топора хватало на то, чтобы отбить руку или разбить плечо, если же враг попадался сильный, то Вася бил лезвием полбу рассекая шлем и лоб противника. Леха к вальсирующему Василию относился с лёгким пренебрежением, он всегда находился на шаг впереди Василия, так как был вооружён гладиусом и квадратным щитом страиота, и ему ненужно было тратить время и силы на взмахи – размахи всякие. Леха, при-

крывшись щитом, бесстрашно шёл под взмах руки противника, не давая ему развернуть тело поудобней, для удара. В доли секунды, когда меч или секира противника нависает над его головой готовые вот-вот опуститься вниз и сокрушить его, он наносил короткий и быстрый удар: либо в грудь, либо в горло, либо в руку противника, то есть в те места, которые слабо прикрыты доспехом. Случалось, в бою, что и гладиус Лехи превращался в оружие неотвратимого возмездия и по самую рукоять входил в тело врага, но редко. Друзья представляли собой редкий тип воинов -гуманистов, которые считали, что убивать, даже на войне, без крайней надобности нехорошо. Лучше уж как следует вдарить врага, чтобы он там у себя дома долгими зимними вечерами, показывая свои увечья, он рассказывал всем, что нечего ходить на землю русскую и мешать людям, жить, так как они хотят. Так и шли они, оберегая князя и не проливая лишней крови.

Миша Прушанин с ватагой, совсем не обращая внимание на близость князя со товарищами, ловко опрокинув слабое охранение шатра начал методично собирать брошенные вещи ярла и его окружения.

Ульф Фаси благополучно дошёл до своего корабля. Взобравшись на борт, он принялся внимательно наблюдать за боем, который не думал затихать, а лишь переместился в другую плоскость, с войны за выживание в войну за собственность. Опомнившиеся шведы организовали действенную оборону своих кораблей, довольно быстро отогнали наиболее зарвавшиеся ватаги новгородцев. Ярл испытал даже чувство гордости, когда его ратники сбросили одну ватагу в реку и не дали ей подняться на берег возле корабля. Немного успокоившись, Ульф Фаси стал внимательно наблюдать за боем, высматривая огрехи в боевых порядках новгородцев. Но найти слабые места в боевых порядках противника он не мог, так как порядков больше не было. Нет, противник был, противник бил, и бил его войско сильно, но боевых порядков не было. Были движения, была суета, изредка ещё лилась кровь, но боевого порядка, которого можно увидеть, оценить нет, не было. Ярл мучительно переживал своё бессилие. Когда его шатер рухнул под ударами новгородских топоров, он вдруг увидел, правильную часть новгородского войска, которая единственная не занималась грабежом, а методично занималась уничтожением живой силы противника. Это был сам князь Александр с дружиной малой. Оценив малочисленность княжеского полка, ярл скомандовал,

– Вперёд.

Около пятидесяти воинов подчинилось его приказу. Вскоре князь ощутил надвигающуюся опасность. Фланги его маленького отряда стали сжиматься. Князь, не думая о призрачной славе, попятился и спрятался за щитами двоих друзей, маленько передохнуть. Немного отдышавшись, он опустил меч, и высоко поднял щит, давая понять своему полку, что пора уходить. Васька с Лёхой спрятали топор и гладиус, взяли по копьё, так как в отступлении копьё сподручнее. Выставили копьё поверх щитов, начали медленно отходить, прикрывая спину беззаботно идущего к лесу молодого князя со товарищами.

–Вася, что ему гордость мешает, как всем нормальным людям пятиться, нашему Рюриковичу-то?– спросил уставший и голодный Лёха.

– Да! Гордый он, как и его отец. Тот в Литве тоже спиной к врагу шёл, а я два щита сменил его, прикрывая, – отозвался Василий.

Мирный диалог двух уставших работников ратного дела был прерван тремя копьёми, вонзившимися в их щиты.

–Кажется мне, что сейчас, тут могут и побить,– прокомментировал происшедшее Василий, – Лёша ты готов?

–К чему? К смерти ратной!?? Нет не готов, и ты знаешь, не тороплюсь готовиться, я на исповедь не ходил вот уж три недели. Чего ходить за зря владыка позовет на правёж там, и покаюсь!! – ответил Лёша

–Я тоже не готов!!– пробурчал Вася,– Однако князя надо предупредить, давай на, веди, глаголь⁵⁵ бегом.

–Давай, быстрее,– согласился Леша.

Презрев все каноны воинской доблести, друзья разом, на три-четыре, бросили сначала копья потом щиты в наступающего ровными рядами противника, а сами, развернувшись, дали такого стрекача в разные стороны, что окрестные зайцы еще долго завидовали им. Сей манёвр, требовал большого мужества и слаженности, и назывался он, обманное бегство. Цель манёвра была разрушить боевые порядки наступающего противника, увлечь его, отвести в сторону и потом уничтожить. Действительно копья наших друзей заставили бросить два щита, так как времени, у наступающей стороны, вытащить копья из щитов, не было. В открывшуюся брешь следом полетели щиты Васи и Леша, заметим, щит весил от 4 до 7 килограммов, получить удар предметом, имеющим такую массу в состоянии покоя весьма болезненно, а если постараться и прицельно вдарить по голове, то и смертельно. Щиты никого не убили и не покалечили, они только немного ошеломили наступавших и заставили их остановиться, на несколько минут в ожидании новых ударов. Этого оказалось достаточно для исполнения выше описанного манёвра – «обманное бегство».

Как друзья и ожидали, десяток шведов покинули строй и побежали вдогонку за ними, имея целью прибить хамов, которые бросаются щитами, куда ни попадя. Шум, произведенный столкновением шведского авангарда с русским арьергардом, заставил князя обернуться и командовать,

–Стой! Ко мне!

Приказу князя подчинились не многие, Миша Прушанин занятый организацией грабежа шатра ярла Ульфа Фаси, просто не мог отвлечься от дела. Ведь уйди он на помощь князю, Сбыслав Якунович со товарищами, рыскающий тут же рядом по берегу в поисках своей честной добычи, объявил бы свои права на шатёр, что грозило уже братоубийством победителей в стане врага. На убийство новгородца в стане шведов, во время дележа честно взятой добычи, Миша пойти не мог, совестливо ему было.

К князю, окруженному своими товарищами в количестве 10 человек, еще подошли человек двадцать воинов его дружины, правда очень уставших. Да и, Васька с Лехой были на подходе. Итого тридцать три воина вместе с князем.

Оторвавшись от преследователей, и петляя, по полю боя, запутывая следы, словно зайцы от лис. Лёша с Васей, точно, за пять минут до фронтальной атаки шведов на князя, встали в строй, прикрыв князя своими телами.

– Сдаётся мне Леша, что чего-то в наших нарядах не хватает?

– Да, Вася срам прикрыть не чем. Щитов то ведь нет. Вот даст тебе швед древком копья по причинному месту, и кончился Вася!

–Чего ты перед боем бред несёшь, давай помолимся. Видишь, шведы копья наклоняют, сейчас побегут. Нам и принять то их не чем.

–На грудь Вася примем, на грудь.

–Я, Лёша на грудь лучше кувшин пива разом приму или бабу положу, копья не очень хочется, в мои то годы.

–Годы у тебя подходящие, ты уже Христа на семь лет пережил в грехе и блуде. Так, что Вася зажился ты на этом свете.

– Эх ты философ, но всё равно прости меня. Если, что не так, свечку поставь за упокой, если выживешь, конечно!

– Конечно, всю жизнь мечтал тебя отпеть. Ты лучше щиты возьми у последнего ряда, им то они зачем?

⁵⁵ Вместо1,2,3... тогда писали аз , Аз, веди, глаголь... ,и произносили соответственно!!

– Не могу, Лёша там «Аники воины» (так называли подростков, которые только начали постигать науку войны) из княжеской сотни, их князь отпускать от себя боится, чтобы грех случайной смерти отрока на душу не взять. Это он их, а не они его охраняют!

– Влипли мы Вася! Ударь меня для злости, а я тебя. Я без злости помирать не хочу!!!

– На, держи косуху, – Ответил Вася, отвешивая другу косою удар в ухо.

– И ты держи, – сказал Леха, двинув в Васькино брюхо локтем в ответ.

Попрощавшись, таким образом, друзья, поигрывая личным оружием со стоическим спокойствием, стали ожидать врага. Вдруг в спину им ткнулось нечто тупое и твёрдое. И со словами,

– «Держи, быстрее, ...» в их руки попали новые щиты. Ярко красные щиты с серебряными трезубцами Всеволодовичей посередине. Это Арсений, невзирая на опасность, просто принёс друзьям, то в чём они особенно остро нуждались.

– Ну, что ж, я беру тех, что справа, а ты тех, что слева. Согласен, Вась?

– Ага, только ты в следующий раз в поддых не бей, дыхание сбиваешь, понял!?!

– Понял. Ну, что побежали, двинем, чего стоять, чего ждать?

– Давай, – согласился с доводами друга Василий.

Ярл ожидал, что князь встанет в глухую оборону, и будет медленно отбиваться, надеясь на чудо милосердия или на выкуп. Но, тут случилось удивительное. Двое с красивыми щитами, выставив копья вперёд, бежали на его строй. Ему было жалко смельчаков, но на войне как на войне и поэтому он взмахом руки двинул полк на князя. Чуда не произошло, его полк эти двое не остановили, но полк был вынужден обходить их подобно воде обтекающей камни. Сам того, не желая, Ярл, увлекаемый движением своих воинов, приближался к двум русским ратникам, которые как два больших кровавых нарыва, появившись на теле его полка, мешали двигаться вперёд.

Первая шеренга уже начала сшибку с людьми князя, как вдруг ярл поднял щит и остановил атаку. Воины, разомкнув ряды, встали на роздых. Если приказ убивать отменили, то чего силы зря тратить и кровь проливать?

Вася с Лехой опустили копья и, прислонившись спиной, друг к другу отдыхали от битвы в окружении таких же уставших как они воинов ярла.

Ярл, раздвигая ряды своих воинов, подошел к первому ряду княжеского полка, воткнув землю свой меч. Он показал князю обе свои руки, что означало желание вести переговоры. Александр безбоязненно вышел навстречу, плечом отодвинув Арсения, который своим телом закрывал князя подобно щиту.

Ярл крикнул,

– Тольмачь!!!!

– Василий Валентинович, поди сюда!!! – позвал переводчика Александр.

Васька, опустив топор и щит, медленно пошел к знатным переговорщикам. Леха посмотрев по сторонам, двинулся следом на всякий случай, держа свой верный гладиус на изготовке.

Ярл, уважительно глядя на толмача и его помощника, сказал,

– Князь, много славных воинов погибло сегодня, заслужив славу своей храбростью, я хочу отдать им свой последний долг, похоронить с честью. Предлагаю тебе князь сделать это вместе со мной сегодня, ибо завтра я уйду! Если же ты князь не выкажешь свое почтения к погибшим, я ярл Улоф Фаси буду биться с тобой до конца света!!!

Васька перевёл так,

– Князь, уйти он хочет завтра, шведов своих сегодня похороня, если же ты желаешь, то он готов биться и далее.

Александр посмотрев: на свою дружину из Аники воинов и их учителя Арсения, на уставших: Ваську с Лехой, на ватагу Миши Прушанина отгоняющую от шатра людей Сбыслава Яку-

новича, поднял свой меч клинком вниз, и воткнул его в землю в знак того, что принимает предложение ярла о перемирии.

Ярл едва уловимым поклоном выказал своё уважение к решению князя, повернулся и пошел на свой корабль, походу отдавая приказы о начале похоронной церемонии. Александр наказал Арсению готовиться к отпеванию павших. Отроков, – Аников воинов своих, он послал собирать убитых и помогать раненым. Сам с Васькой и Лёхой пошёл поискать, чем заморить червячка. С прошлого вечера князь постился, и молодость брала своё. Войска по примеру своих начальников постепенно тоже стали расходиться: кто промыть раны; кто поесть; а кто и делить добычу. Но не прошло и часа, как князя, уже жующего вяленую оленину на опушке леса, разыскал герольд ярла, он просил князя остановить грабеж кораблей, если началось перемирие.

Александр сначала не понял, Вася три раза переводил ему просьбу ярла, лишь через несколько минут неопределённого молчания, князь взяв Васькин кистень побежал наводить порядок в вверенных ему войсках.

Первым попался Миша, который командовал разрезанием шатра ярла на полосы в пол сажени шириной, что бы всем хватило. Князь угостил его кистенём полбу, припоминая тем самым, что Миша не выполнили последний приказ князя. Васька с Лехой принялись разгонять Мишину ватагу. В левой еще стоящей части шатра, они наткнулись на Поросю, который выкручивал руки худенькому шведскому отроку, изредка ударяя того по голове кулаком, чтобы отрок не сопротивлялся и не мешал Поросе отнимать у него суму. Васька с Лёхой увидели обращенные к ним глаза полные слёз и мольбы о помощи, пожалели мальчика. Лёша негромко сказал Поросе,

– Тебе еще добавить или так уйдёшь?

Порося обладал исключительно хорошим слухом и памятью, тот удар на Николу Вешнего он забыть никак не мог, поэтому он резво отскочил в сторону, потом в два прыжка одолел пять сажений и уже оттуда с более или менее безопасного расстояния, прокричал в ответ,

– Ничего, мы еще доберёмся до тебя, козьявка чернородая.

И, погрозив для острастки рукой в боевой рукавице, пошел жаловаться Мише, который сидел на земле, обхватив голову руками после княжеского вразумления. Было видно как Миша, выслушав жалобу Пороси, вдруг встал и, отвесив левой ногой, удар в заднюю часть тела ратника показал Поросе, куда ему следует идти. После чего Миша свистом собрал свою ватагу, нагрузил их всем, что попало под руку, и пошёл в сторону леса, ведя под узду свой главный трофей – пегого красавца коня.

Сбыслав Якунович увидев расправу над Мишей, вовремя осознал опасность, идущую от князя, и молча побежал в сторону леса, увлекая за собой своих людей, где словами, а где пинками. Гаврила Олексич раздевая кораблик шведского пискупа (епископа) немного увлёкся и испил полную чашу княжеского гнева. Охая и причитая, от боли, и от обиды, он еле живой спустился с корабля на лодки полные добра и в окружении своих ватажников отплыл вниз по течению в сторону лагеря. Умнее всех оказался Никита Захарьевич, что из Кучковичей, он уже с час назад как дал команду уходить и, оставив пустые корыта вместо снаряжённых кораблей, не теряя своего достоинства, покинул поле боя и отправился к себе на заимку прятать честно награбленное добро. Ведь кто же знает чего от Гаврилы Олексича и Миши Прушанина во главе с князем Александром ждать? Не отдавать же часть добра в казну новгородскую для обеспечения сирот, которые после войны невесть откуда появляются.

Расправившись с ослушниками прелиминарного международного соглашения о прекращении активных боевых действий, Александр почувствовал сильный голод и жажду увидя возле распростертого на земле шатра Василия и Алексея направился к ним, кистень вернуть, ну и выпить чего-нибудь. Князь хорошо знал своих хранителей, поэтому был уверен, Вася с Лешей выпить найдут.

– Чего стоите православные? – спросил князь.

– Мы тут думаем, – ответил за двоих Вася.

– Чего, чего? – переспросил князь, который не подозревал наличие высшей интеллектуальной деятельности у этих буянов.

– Думаем чего взять, чтоб нести удобно было и не стыдно добычу, у шведа отвоеванную, людям показать, – ответил Лёха.

– Так шатёр и берите.

– Нет, не то это, Арсению шатёр не нужен, нам с Лехой тоже, книги бы найти да сосуды для службы пригодные, – ответил Вася.

– Ну, так и ищите, пока шведы, своих, представившихся собирают.

– Не можем мы, – сказал Василий.

– Почему?

– Есть охота, а уйдёшь отсюда за едой, Миша вернется, шатер дособирует, сундуки возьмёт. Его это место. По закону его, он за него кровь проливал. Нам, своих грабить грех, а оставить тут товар сторожить не кого, – ответил с грустью в голосе Василий.

– Голова то не трещит от мыслей столь глубоких? Кто это там за шатёр прячется? – спросил Александр.

– Нет, не трещит, она у нас только от жажды трещит. За шатром прячется отрок шведский, его Поросю кулаком бил, ну я Поросю и прогнал словами. Бойтся отрок. По-молодости, видно первый его бой, – отчитался князю Алексей.

– Слушайте, воины мои доблестные, вы спросить у отрока не пробовали, где, да, что в шатре лежит??? – спросил князь, посмеиваясь над друзьями.

– Мы не знаем? – ответили в унисон друзья.

– Чего не знаете?

– Мы не знаем, на каком его языке спрашивать???

– Да хоть на русском начните, потом разберётесь! – сказал князь, подзывая к себе отрока.

Отрок подошёл, одет он был в высокие сапоги на каблуках со шнуровкой поверху голенища, кожаные штаны, кожаную куртку песочного цвета с суконным подбоем и прикладом. Коричневый колпак с фазаньим пером украшал его голову. Он был тонок в кости, и гибок, пальцы имел длинные, запястья тонкие, его можно было принять за девушку, если бы не сапоги мужского размера. Оглядев его внимательно, князь удивлённо заглянул в его большие серые глаза и вдруг спросил,

– Лучник?

– Богенщюце? Асхер? – перевёл Василий.

Отрок кивнул головой.

– Так уже лучше, спроси-ка, про еду и вино, и пиво. Давай Вася. Дерзай, а не-то мы дерзнём тебя за едой в лагерь послать или подальше, – пригрозил другу шутливым тоном Леша.

– Кост,⁵⁶ -немного поднатужившись мозгами выпалил Вася.

Отрок шмыгнул носом, и вдруг улыбнулся, такой доброй улыбкой, что Леша гладиус уронил. Отрок взял Васю за руку повел за собой вглубь ещё стоящей части шатра и молча показал на два ларя. С помощью отрока он вытащил их из шатра и открыл, в одном оказались мясо с хлебом, в другом рыба вяленая. Затем из шатра отрок выкатил початый бочонок с темным пивом. Князь с интересом наблюдал, как его охрана спасает его от голодной смерти. Наконец друзья, закончив сервировку, которая, заключалась в снятие пробы со всех блюд, не дай бог отрава какая, пригласили князя к столу, сами же скромно, расположившись чуть поодаль стали усиленно двигать челюстями, с шумом прихлёбывая пиво из неизвестно откуда взявшегося большого кувшина, куда они умудрились, тайком от князя, вылить пол бочонка пива.

Не забыли они и отрока, всучив ему в руку кусок окорока с хлебом.

⁵⁶ Нем Kost-еда.

Мирное течение походной трапезы было нарушено герольдом, принёсший князю рог, оправленный в серебро, подарок от ярла. Рог был цвета топлёных сливок, восемь дюймов в длину, поверху шёл серебряный обод толщиной в два дюйма, на котором была изображена охота на кинтовраса в обрамлении тонкого узора из рун, и латинской надписью. *veriora veris*.⁵⁷ Князь принял подарок и начал внимательно его рассматривать, не отвлекаясь на происходящее кругом. Наслаждение жизнью и прекрасным было прервано Арсением, который так некстати, появился с вопросом к Васе с Лёшой,

– Вы князя ещё не продали, а деньги уже пропили или наоборот? Чего глазами моргаете как утки крыльями, мозгов то это не добавит. Особенно если их отродясь и не было!!! Ни у тебя Вася, ни у тебя Леша.

– Ты чего Сеня, мы князя стережем, – ответил Вася.

– Ну да, вдвоем против всех шведов.

Друзья, посмотрев вокруг, неожиданно осознали, что они одни в лагере шведов и помощи ждать не откуда. Со стороны русского лагеря потянуло дымком, пахнувшим ягодным взваром, что служило наглядным доказательством полного отсутствия боеспособности русского войска на данный момент.

– Они там чего и охранения не выставили? – спросил Лёха.

– Да, не выставили и еще перепились все на радостях, восемь десятиведёрных бочек пива за полчаса уничтожили, аки врага рода человеческого. Как князя выводить будем ватажничники?

– Главное шведа не спугнуть. Ты Арсений, к князю иди осторожно, мы прикроем, если что, веди его к лагерю, чернеца они не тронут, подумают, что раненого ведешь, – скомандовал Алексей.

Друзья медленно стали собираться, стараясь делать вид, что их ни что не волнует. Затем начали медленное движение в сторону князя. Как ни старались друзья, их волнение было замечено Александром, который перестал любоваться подарком и осмотрелся. Увиденное заставило его взять в руки меч.

– Пусть князь не беспокоится, я провожу вас и ваших охранников с честной добычей до лагеря, так велел Ярл, и совесть рыцаря, – сказал герольд.

Услышав про честную добычу, трое друзей посмотрели на свои пустые руки, а потом осмотрелись кругом. Взять было нечего, кроме освобождённого отрока, но отрок им не был нужен. Мысль посетила Арсения,

– Вася спроси где, что лежит!!

Вася нахмурился и начал бубнить, – Как это по – латински – «хабар» будет?

– *Arsem ex manubiis ornare*⁵⁸ – Вдруг выпалил Арсений.

Герольд понимающе улыбнулся и широким жестом показал на поверженный шатёр ярла, – мол, тут и ищите. Лёша вдруг дёрнул за рукав куртки отрока и жестом показал на шатёр и сказал, – *manubi*.

Отрок понял и, взяв за руки Лёшу и Васю, пошел к шатру, где поднял полотнище и показал на лежащий, на земле этот самый *manubiæ*, – состоящий: из двух свернутых шёлковых ковров, четырёх книг в свитках, и двух медных подсвечников. Видно было, что Ярл готовился к презентативным переговорам, где хотел поразить новгородцев своим богатством. Цепким взором, оценив хабар, Вася сказал,

– Всё берём, до конца жизни хватит!

Быстро и скоро собрав свои вещи и трофеи, друзья с князем, в сопровождении герольда и отрока, двинулись к лагерю русского войска.

⁵⁷ *veriora veris* – то, что вернее верного

⁵⁸ предназначавшаяся полководцу часть добычи

Дойдя до середины пути, уже за линией шведских охранений, герольд остановился и, поклонившись, пожелав князю счастливого пути, пошёл обратно в лагерь, где шведское войско уже начало грузиться на корабли.

Леша, повернувшись к отроку, показал ему рукой в сторону кораблей, – «иди к своим». Но отрок отказался и сказал,

– *ich fahre auch fort.*⁵⁹

– Чего? – Переспросил Лёша.

– Уезжает он, тоже? – перевёл Василий.

– Куда? – Спросили Арсений и Алексей.

– Наверное, с нами, в Новгород, – ответил Вася.

Уставший князь, слышавший весь разговор, сказал,

– Берите парня к себе втроем прокормите, вдруг сгодится, добыча всё-таки. А нам ещё поработать придётся. Вась кистень верни, и дубинки поухватистой сладьте по пути. Княжескую долю воевать будем!

И маленький отряд, до конца сохранивший свою боеспособность, пошёл наводить порядок в еще одном лагере, который тоже стоял без боевого охранения.

Первыми под горячие руки князя и его охраны, попались пьяные ратники Миши Прушина. Мише и его людям менее всего повезло разжиться товаром. Поэтому они решили возместить свою неудачливость пьянкой, чтобы было потом, что вспомнить, к примеру, сидя зимним вечером дома сказать, «а на ижоре так, гульнули, так гульнули после победы над свеем, что почти весь хабар пропили». И посмотреть свысока, на других.

Пока князь разыскивал Мишу для очередного вразумления, Вася с Лёшой занялись протрезвлением буйных во хмелю воинов. Вскоре хоть и шатающееся, но всё-таки, боевое охранение стояло по периметру Мишиного стана. Сам Миша, повесив голову, шёл вместе с князем к стану, Гаврилы Олексича, где он и князь в четыре руки вскоре довели до сведения командира боевой единицы новгородского войска, что охрана необходима и до, и после боя.

Сбыслав Якунович услышав, какой-то шум и от греха подальше выслал трёх дозорных ратников посмотреть, что там, у Миши и Гаврилы. Не совсем трезвые дозорные, которые могли стоять на ногах, только опираясь на копья и щиты, ещё сильнее разозлили князя. А Миша и Гаврила, как только нашли Сбыслава, с радостью стали доказывать ему, что он такой же, как они и должен как они понести наказание от князя, а если не от князя, то от них, за компанию. Сбыслав получив свою долю дружеского вразумления, стал ретиво заниматься отрезвлением воинов, подготовкой к ужину, и похоронам павших.

Александр не нашёл только Никиту Захарьевича, что из Кучковичей, как выяснилось он никакого стана не сделал и тихо скрылся в неизвестном направлении.

– Вот сквалыга. На заимку вино повёз, чтобы князю долю не дать, – сказал злопамятный Миша.

– Всё одно вернется, – подытожил князь, направляясь к своей дружине, в страхе ожидающей его правежа за грех пьянства и беспечности. Однако князь так устал, что, как только увидел шалаш кем-то сделанный, залез туда, и не снимая сапог, уснул, доверив всё своё войско божьему помыслу. Его верные спутники, выполняя наказ Владыки, стали сторожить его сон, сменяясь через два часа. Первым заступил на пост Арсений как наименее уставший. Потом Леша как наиболее стойкий, последним был Василий, он был наиболее привычный к предутреннему бдению, так как любил рыбу ловить на удочку, в зорю. Отрок же, как только прислонился спиной к стене шалаша, сразу уснул и был тоже взят под охрану.

Лес живет своей жизнью, и вторжение человека переживает, болезненно. Разбив лагерь на стрелке Невы и Ижоры, человек вынудил семейство кабанов, кормившееся на этом месте

⁵⁹ я тоже уезжаю

вот уже три поколения, с голодной тоской наблюдать, из прибрежных зарослей, как люди втаптывают в землю вкусные желуди и прошлогодние шишки. Медведица с пестуном и годовалым медвежонком, учуяв запах человеков, ворча, повела свой выводок к дальнему болоту, где можно было наловить лягушек, а им так хотелось красной рыбы, которую они оставили там дозревать на солнце два дня назад. Вкусный запах тухлой рыбы щекотал им ноздри и сводил с ума, поэтому медведица, что бы как-то успокоится, дала две затрешины пестуну, что бы тот бежал быстрее. Остались одни белки, так как сезон охоты еще не пришёл и они были облезлые и серые и поэтому никому ненужные, да любопытные синицы знающие, что после человеков еды останется много.

Шалаш, где изволил почивать князь, находился как раз под гнездом синицы, которой было интересно узнать, какой такой зверь захотел пожить на её территории, не спрашивая её позволения. Кабаны, и те, всегда, добродушным похрюкиванием, просили её позволения, на время, остановиться под её деревом. Вот, еле дождавшись утра, любопытная птица – синица слетела вниз, посмотреть на невиданного нахала. Клюнув два раза сапог, она не найдя его вкусным, небольшими прыжками направилась вглубь шалаша на поиски вкусного завтрака.

Князь был неприятно удивлен, когда кто-то бесцеремонно начал дёргать его за усы. Сжав кулак, он спросонья хотел наказать нахала ударом в ухо. Но рука только рассекла воздух, а сила удара заставила его повернуться на бок и окончательно проснуться. Нахальная птица синица, что-то возмущенно чирикавая, сидела на сучке над его головой и внимательно его рассматривала. Ей, божьему созданию, было невдомёк, что разбудила она победителя шведов, спасителя земли Русской, князя Александра Ярославича. Синице новый сосед не понравился, но, будучи птицей вежливой она только немного по-возмущалась и улетела к себе на дерево.

Проснувшийся князь вылез из шалаша, и, взяв с собой недремлющего Василя, пошел к ближайшим лопухам, а потом мыться в реку.

Вернувшийся князь подобрал в затухающий костёр дров, открыл ларь с шведским око-роком, сладил рожны с окороком вокруг костра, и пока те грелись, успел прочитать три раза Отче. Василий увидя такое утреннее рвение князя сам себя отпустил с поста и, считая, что всё плохое уже позади, разбудил Арсения, сказав,

– Вставай отче, на службу пора, – сам лёг на его нагретое за ночь место спать.

Отрок проснулся вслед за князем, и смущенно улыбнувшись Арсению, тоже побежал в лопухи, и мыться. Вернулся он скоро, весёлый и бодрый. Увидев, как князь разогревает ветчину, отрок вытащил хлеб и положил его к костру, прогреется. От вкусного запаха проснулся Алексей и сел к костру, потом он взял шмат окорока и хлеба и ни от кого не получая приказаний, пошёл проверять посты. После молитвы и завтрака князь первым делом отправил охотников на поиски шведского флота, потом приказал копать могилы для павших в битве, умерших от ран. Арсению велел готовиться к отпеванию. Князь решил мертвых в Новгород не везти. Он боялся морового поветрия, которое почти всегда терзало город, когда войско привозили павших воинов.

Ближе к вечеру, после отпевания, князь, созвав: Мишу Прушанина, Сбыслава Якуновича, Гаврилу Олексича, выслушал краткие сообщения о состоянии дружины, немного подумав, сказал,

– Если шведа завтра не найдём то послезавтра идём домой. Добычу разделим поровну, так нести легче. Чтобы обид и драк не было, пусть каждый своё клеймо на свою долю поставит. Вы тысяцкие проследите, что бы всё честно было, и сиротскую, и вдовью доли товарищи погибших себе не умыкнули. Кучковича не искать, доли ему не выделять, он и так много взял. Всё!!! Свободны. Дружине роздых, – отчеканил князь.

Приняв судьбоносное решение, о возвращении рати домой, князь пошел рыбу ловить на удочку, в тайне от Васьки, которому страшно завидовал, как один рыбак другому. Очень князю хотелось поймать на удочку рыбину в шесть фунтов весом, а потом, похваляясь утереть нос

Василию. Отрок увязался за ним, князь не возражал, вдвоём рыбачить интереснее тем более, что удочек было три, одну из которых Александр отдал отроку. Отрок понимающе улыбнулся и весело пошёл за князем, насвистывая какую-то песенку.

Друзья собрались вместе только после отпевания. Уставший Арсений пришёл отобедать, после выполнения скорбных обязанностей. Чин отпевания долог. Васька отоспался, сидел у костра и просто хотел есть. Леша, проверив посты, а именно обойдя лагерь, раз шесть по периметру в самую жару очень хотел пить. В общем, все собрались возле княжьего шалаша и шведских коробов с припасами. Князя ждать не стали, не известно, где его носит. Отрока тоже ждать не стали, с князем ушел ну пусть с князем и столуется. Отведывая шведских окороков и солонину, они запивали их красным вином, которое принёс Алексей. Вино ему подарили люди Сбыслава Якуновича, за то что Лёша не выдал их князю за утренний сон на посту. Алексей сначала опробовал подношение, потом часа через два на обратном пути милостиво согласился не делать доклад князю. За что ему дали два кожаных ведра охлаждённого вина. Друзья, молча, сосредоточенно ели, шумно запивая окорок и солонину большими глотками красного. Арсений первый прервал молчание,

–Вечеру служить не буду понедельник сегодня.

–Ага,– поддержали друзья.

–Тут проблема есть, слышали приказ князя, всё разделить? – продолжал Арсений

–Ну,– протянули друзья, занятыми едой ртами

–Так, князь доли своей лишился! – доложил Арсений

–Где?– удивлённо переспросил Василий, которому странно было слышать, что Рюриковичи себя обделили.

–Так, ту часть своей доли, что у Кучковича, князь не востребовал и в результате без вина совсем остался. Причащать чем я его буду в Никольском соборе на праздник двенадцатый. Кислятиной рябиновой, она тоже красная, авось князь не разберёт. Да только мне стыдно будет!!!– быстро проговорил возмущённый Арсений.

– Ты к чему клонишь Сеня? – спросил Лёха.

–Я не клоню, я прямо говорю, надо княжескую долю у Кучковича взять и князю отдать,– сказал Арсений.

–Ты прав, но где тут княжья доля решить трудно,– вставил свое виденье проблемы Василий,– Князь имеет власть только в лагере, потому, что Гаврила Олексич, Сбыслав Якунович, Миша Прушанин, и Никита Захарьевич, сами добровольно согласились под его руку встать. В Новгороде князь правит согласно ряду, если ряд нарушит, то прогнан вон будет. А Кучкович на своём сидит его никто прогнать не может потому, что его это земля– земля рода Кобылы, и здесь на Неве, и на Москва реке, что рядом с Клязьмой течёт. А Рюрик пришлый сюда был. Поэтому у нас говорят, – «Неизвестно кто главней, Рюриково семя или Кобылино племя!» И значит это, что Кучкович своё взял, на своей земле, по праву земли.

–Ну и что, что по праву земли, всё одно доля княжья есть, даже согласно ряду – есть. Он с князем сюда пришел. Кораблики грабил под стягом княжым – вот! И ещё Кучкович должен князю, хотя бы потому, что князь ему голову, за непослушание на поля боя, не снёс. Предку его Юрий Долгорукий голову снёс, ведь так? – не унимался Арсений.

–Дак, да, но времена не те,– сказал Вася.

–Времена всегда не те, зато вино всегда – То, особенно из Галлии – выдвинул последний аргумент Арсений.

– Возьмём две лодки спустимся до острова, до заимки, долю свою – княжескую возьмём, и назад за день управимся. В Новгород заставим Пелгусьевых христиан вино нести, – изложил свой план Арсений.

–Ну да, как это по-русски, «Пусти козла в огород», они всё по пути и выпьют, бочки пустые принесут или воду туда нальют. Знаем бывали. Хотя я от вина бы не отказался– добавил своё мнение Лёша.

–Действительно пошли! Чего зря сидеть день тратить, только отрока возьмём с собой незачем ему с князем общаться. Князьям люди всегда нужны, посулами перетянут отрока к себе, и поминай, как звали. Что князь ему даст? Жизнь, какую? Сегодня в Новгороде, завтра в Переяславле, послезавтра в Суздале. Ни семьи нормальной, ни хозяйства, да и убить могут еще до женитьбы. Жаль его. Возьмём с собой. В Новгороде подрастёт, мы ему ватагу поможем собрать. В поход за костью или за мехом сходит. Потом землицы прикупит, детей народит, будет жить как мы, нет лучше нас. Вы как ребята?– спросил Василий.

Сам не понимая, зачем он берёт на себя ответственность за судьбу человека, которого он знает только несколько часов. Потом он часто задумывался, что заставило его взять мальчика с собой, большие серо-зелёные глаза ребёнка полные слёз и мольбы о помощи или воспитание папеньки, который вожжами вбил в голову Васи, через зад его, что маленьких и слабых обижать нельзя? Уже в Колмове, перечитывая Эригену, он думал, кто вложил слова о помощи отроку в уста его бесы или ангелы? После долгих размышлений всё таки был вынужден признать, что, скорее всего ангелы, так как бесы за просто так о добре просить не будут.

–Мы не против, пошли лодки и отрока искать, – ответил за двоих сытый и поэтому великодушный Лёша, который, как и Василий не мог объяснить, какая муха его укусила и заставила быть добрым.

Арсений просто молчал. Он верил в Божье провидение и подчинился ему безоговорочно. Хотя, если быть честным то ему отрок, тоже понравился. Арсений кроме всего прочего считал, что красота и грех вещи не совместимые. Из этого положения он делал вывод, что красота есть благодать богом данная, для укрепления людей в вере. Сохранение красоты, есть его прямая обязанность, так как постижение и сохранение красоты есть путь к познанию божественного откровения даже для грешников! (Арсений отделял красоту богом данную от прельщения дьявольского, на погибель душ христианских, сделанного).

Не берусь судить Арсения, хотя может эти его мысли немного еретичны. Не знаю!

Подчиняясь соборному решению, друзья единогласно покинули место трапезы.

Лодки были взяты шведские, на них никто из победителей, ещё свои права вразумительно объявить не смог. Отрок пришёл сам с удочкой и тремя четырёх фунтовыми хариусами и одной небольшой осетринкой в шесть фунтов.

–На перекус хватит,– похвалил отрока покровительственным тоном Василий и, махнув рукой, пригласил отрока следовать с ними, на «Спацирганг»⁶⁰.

Погрузившись на одну, другую взяли на буксир с помощью двух багров. Вставив вёсла в ключины, друзья дружно крякнули, опустили вёсла в воду и понеслись в низ по Неве. Пройти им нужно было верст 20. Часа за три дойти до острова было можно, не очень напрягаясь. Василий считал, что даже и не вспотев.

Минут двадцать друзья молчали, потом Арсений спросил, глядя на отрока сидевшего в середине лодки, между ним, сидящем на руле, и Васькой с Лёхой, сидящих на вёслах.

–Как зовут тебя? Name?

– Christian.

–Христя, по-русски, – перевёл Вася

– В бога веруешь? И како веруешь, ответствуй?– суровой скороговоркой спросил Арсений.

– CREDO, – просто перевел Василий!

⁶⁰ Spaziergang– простите Васе его произношение– прогулка.

– Ну да! Credo-есть, символ веры. Хитрый какой, это всякий скажет. Пусть истинный символ покажет,– допытывался Арсений.

– oratio dominica⁶¹– ответил отрок и испуганно перекрестился двумя перстами.

–Ты чего пристал, чего мальчика пугаешь, чернец,– спросил Алексей.

–Лучше бы о себе ему рассказал да про нас с Васей. Ему же жить с нами. Спроси у него ещё, язык учить будет??

–Ладно, ладно,– успокоил друга монах.

И он, старательно подбирая латинские слова начал рассказывать отроку: о себе, о своих друзьях, о Великом Новгороде и князе Александре. В беседе время пролетело незаметно, когда до острова оставалось сажений 100, Василий вынужден был окатить их водой, что бы Арсений заткнулся, а отрок закрыл рот, который был открыт большую часть пути от удивления.

– Сейчас туман спустится, и мы подойдём. Берег пологий. Лодки удобно ставить. Людей не вижу, значит стеречь лодки не надо. К Кучковичу пойдём все вместе, так весомей,– командовал Вася, – наиболее опытный ушкуйник из всех.

Песок жалобно скрипнул, нос лодки с тупым звуком уперся в береговые валуны. Арсений, опытный кормчий, развернул лодки вдоль по течению, закрепив руль, так что бы лодки течением прибывало к берегу, а не уносило в море. Все вместе, разом, тихо, крадучись, стараясь не греметь оружием, стали подниматься в сторону ворот заимки. Когда до ворот оставалось две, три сажени, створки ворот широко распахнулись и сам хозяин Никита Захарьевич, предстал перед ними, босой в длиннополой исподней рубахе, подпоясанной жёлтым шёлковым поясом, византийской работы. Глаза его смотрели прямо перед собой, немигающим горящим взором вурдалака, напившегося вдоволь крови.

– Вы, дурни чего раньше прийти не могли, обязательно надо с горшка хозяина снять и перед сном душу вытрясти? – вместо приветствия сказал хозяин.

–Входите быстрее, холодно мне босому стоять, годы не те. В терем идите, там дверь открыта, всё, что на столе ваше ешьте, пейте. Я сейчас,– сказал Никита Захарьевич, пропуская ошеломлённых гостей во двор и закрывая за ними ворота. Проследив взглядом как, незваные гости, поднялись на крыльцо, он чуть не бегом побежал к едва приметному среди зарослей ивняка строению с косой односкатной крышей.

Друзья в некоем смущении вошли в светелку, освещённую шестью свечами, где действительно стоял стол. На столе стояли блюда с рыбой и дичью лежали горкой варёные яйца и чуть в стороне, ближе к хозяйскому месту два каравай хлеба и нож. На окне Василий разглядел кувшины и кружки. Все разом вздохнули и посмотрели вопросительно на Арсения. Арсений сразу понял, в чём проблема, и быстро решил ее, прочитав скороговоркой молитву. Потом призывно махнув рукой, не дожидаясь хозяина сел за стол. Вася молча поставил на стол кувшины и разлил содержимое самого большого по кружкам. Шумно выпил первым, и сказал,

–Пиво, свежее, вчерась сваренное.

Налил еще кружку, сел за стол, что бы уже, не торопясь выпить её с друзьями. Однако беседы не получилось, пришёл хозяин,

–Чего пожаловали? – спросил он не церемонясь – За княжьей долей или себе бельмы красным вином залить?

–А, хоть и себе, тебе то, что ты же делиться не хочешь??– начал возмущаться Алексей, почему-то ставший быстро хмельеть от двух кружков пива.

–Помолчи морда Боспорская, не хами, не на Боспоре, и там не хами,– одёрнул Лёшу Кучкович.

⁶¹ молитва господня, т. е. «Отче наш»

–Мы за княжьей долей. На причастие вина нам надо красного, для службы в соборном Николе. Вина дашь, приглашу к причастию, вместе с князем Благодать получишь,– сказал наставительным тоном Арсений.

–Ну, без князя Рюрика племени мне конечно благодати не видать. Эх ты рожа церковная. Мои пращуры ещё за сто лет до Рюрика на этом острове церковь поставили, так что благодать меня и без тебя, и без них, всех скопом взятых, коснётся. Одно нравится мне. Не для себя просите. Значит, не всё пропьёте. Две бочки дам. Грузить будите сами,– ответил тоном праведника, потерявшего надежду на спасение сего мира, хозяин.

–Как выйдите, за углом стоят. Да не торопитесь!!! Куда побежали?? Поешьте. Попейте. Скучно мне тут одному, – жалостливо добавил хозяин.

– И не страшно?– спросил Василий.

–Нет, привык. Я уже как три года один. Разве вы не знали?– поинтересовался Кучкович.

–Расскажи, облегчи душу,– предложил Арсений.

–Налей Васька, всем из того кувшина, что в красном углу под иконами. Поговорим,– предложил хозяин острова.

Затем Кучкович подробно, в лицах, рассказал историю, как отдал Рюриковичам он всех своих сыновей, и как ни один ещё не вернулся с княжьей службы. Вместо благодарности молодой князь его – старика в походы зовет, не смотря на возраст и положение. Друзья внимательно слушали Кучковича, всё больше укрепляясь в суждении о том, что отрока вообще к каким-либо князьям отдавать нельзя. Пропадёт отрок. Только отрок этого понять не мог, так как уснул, положив голову на каравай хлеба. Мирно сопел носиком, прикрыв его ладошкой

–Ну, просто ангел,– сказал Никита Захарьевич в конце описания своей семейной эпопеи,– мой тоже таким ангелом к князю в Киев ушел. , Налей Вась,– и прослезился украдкой.

Туман полосами стелился над водой, превращаясь в серую мглу, и сливался с серым небом в единую, серую промозглую хмарь. Поэтому Василий сам себя поставил кормчим, доверив наименее благодарную работу, махать вёслами против течения, Арсению и Лёхе. Они не возражали. В туман, когда нос лодки тонет в белёсой мгле, ни один из них не мог вести лодку, ориентируясь только по току воды. Отрока решили не будить положили спать в лодку на кипу верёвок, которые Вася позаимствовал у Кучковича для погрузки двух бочек вина. Неслышно отчалили. Связанные воедино лодки подобно большой сказочной птице, взмахивая вёслами как крыльям, полетели вперёд, в серое безмолвие.

–Вася, скажи, что с Никитой, десять лет я в Новгороде, все годы его знал, но таким странным и добрым не видел,– тихо, что бы не разбудить Христю, спросил Алексей.

–Пьяный он Лёша, сильно пьяный, если завтра не помрёт от угара пьяного, значит, повезло ему. Он жить не хочет. Поэтому и пьёт. Ты думаешь, сколько ему лет? Шестьдесят? Семьдесят? Нет, он всего на три года меня старше. А он уже жить устал. Всё власть да служба, а жизни то и нет! Одиноко ему. Сам он, на тот свет не торопится, но и не откажется отправиться, если случай подходящий подвернётся. Он живет ещё, только ради людей своих – Поозёров,– князь он их. Душа его рода давно уже с Волховом слилась и сам он тоже. Найдёт наследника и защитника для своей земли, и людишек, и уйдёт в леса навеки. Ты Лёша хоть одну могилу Кучковича видел? Нет, и не увидишь. Нет у его рода могил, как нет и смерти. Их Волхов в этот мир привёл. Волхов и уведёт. Куда только, я не знаю, то ли в кущи райские, то ли в пекло огненное,– тихим голосом повествовал Василий о горе Кучковича.

Потом замолчал и молча сидел минут тридцать, чем обеспокоил друзей. Лёха, даже подумал, что Василия сон сморил, что бы разбудить друга, он брызнул на него водой. Василий спокойно вытер лицо рукавом,

–Ну, вы, там, на вёслах, налегайте,– в ответ на действие друга проворчал Василий, отгоняя скорбные мысли, навеянные рассказом Никиты Захарьевича, что из Кучковичей и своим ответом на вопрос Алексея.

Лодка, повинувшись единой воли гребцов и кормчего, легко скользила против течения, и с первым дуновением утреннего ветра, шурша днищем по береговому песку, остановилась у русского стана. Друзья тихо, не тревожа уснувших часовых, вытащили бочки на берег. Спрятали княжью долю возле шалаша князя, справедливо рассудив, чем ближе к князю, тем меньше вероятность кражи. Они прикрыли бочки лапником поперх, которого положили штук десять крупных рыбин, лежащих на видном месте возле шалаша, как будто для всеобщего обозрения и оценки умения рыболова. После чего, довольные результатом похода, то есть восстановлением поправленной справедливости, начали скрупулезно готовить место для кратковременного отдыха. Они подбросили в затухающий костёр несколько крупных веток. Не торопясь, основательно выбрали место, куда шло тепло от костра, а дым не шёл. Заботливо укрыли отрока трофейной парусиной. Повернулись к костру спиной и погрузились в крепкий предутренний сон. Всё было сделано, так слажено и тихо, что не нарушило чуткий сон часовых охраняющих жизнь и покой князя.

Князь Александр был немало удивлен, когда после сна, увидел возле своего шалаша гору лапника, на которой лежали пойманные им вчера рыбы, горящий костёр и безмятежно спящую компанию. Князю было интересно узнать, где они пропадали, но пришедший от Пелгусия гонец с вестями, что свеи нигде не обнаружены, заставил его заняться будничными обязанностями полководца, а именно вести полки домой. К полудню войско четырьмя колоннами начало выдвигание в сторону Новгорода. В первой колонне были полки Гаврилы Олексича, во второй Сбыслава Якуновича, Миша Прушанин охранял обоз с добычей. В арьергарде, не отягощенный добычей шел единственно боеспособный из всего войска полк князя, охраняя от врагов, некрещёных еще племён еми и ижоры, войско, и обоз с добычей. Предосторожность необходимая в нашем случае, когда войско полностью деморализовано богатой добычей, а данники Новгорода еми и ижора мало, чем отличались от своих хозяев в вопросах пограбить.

Подготовка к обратному маршу не затронула заслуженный отдых друзей. Проспав до полудня, они не обращая внимание на суету собирающегося в обратный путь победоносного войска, после пробуждения занялись своими делами. Арсений молился, Алексей занимался с отроком, Василий, поминая не добрым словом все колена Рюрикова племени, чистил рыбу, которая была поймана князем, но не была им выпотрошена и готова была протухнуть. Разрезая брюхо очередного хариуса, Вася говорил,

– У них, у всех Рюриковичей так, руки только в сторону загребать поставлены, а чтоб не пропало, и сохранить загрёбленное, у них терпежа не хватает. Вот рыбу поймал, так выпотроши, зазорного нет ничего. Апостолы и те рыбу потрошили. Нет, не будет порядка на Руси, пока такие князья рыбу ловят. Вычистив рыбу, Вася пошёл искать подобающую для задуманного им блюда посуду. Глубокие сковороды были найдены в лодке Пелгусия, истребованы Василем под предлогом кормления князя. Затем Василий где-то раздобыл муки, масла сливочного, сметаны пол кринки и шесть головок лука. Травок пахучих он насобирав, не отходя далеко от лагеря. Распалив костёр посильнее, Василий положил стерлядок в одну сковородку, предварительно выложив дно сковороды нарезанным кольцами луком, пролитым сверху сметаной. Вместо крышки он закрыл сковородку травами. На вторую сковороду он растопив масло, всыпал туда муки, довел её до золотистого состояния, и затем положил обезглавленную рыбу, прикрыв сверху крышкой. Потом он поставил сковородки в костер, аккуратно обложив каждую сковороду ровным слоем угля. Минут через десять Леха с отроком сидели рядом в ожидании начала праздника, а Арсений в нетерпении читал молитву в благодарность Богу, что он дал им такой обед. Вытащив сковороды из огня, Вася стал скорбно наблюдать, как из его друзей уходит всё то – данное Богом, что делает человека – человеком и пробуждается звериная страсть к обжорству. Через час он осведомился у Арсения, что князю оставили, на что Арсений ответил, – Опоздавшим кости.

После обеда друзья, все вместе, впали в дрему и адекватно реагировать на происходящее смогли часа через два, когда княжеские дружинники стали надевать сапоги и менять портянки, что бы ноги не натереть старыми.

Проблему поставил Арсений,

– Вино как понесём?

Все задумались, нести две бочки до Новгорода им самим ну никак не хотелось. Был еще выход, остаться здесь и через неделю вернуться в Новгород. Но подводить Арсения уже обещавшему князю, причастие красным вином, по возвращению из похода, тоже не хотелось.

– Тут без Пелгусия не обойтись, – сказал Василий, – пойду, поищу его.

Пелгусий нашёлся быстро, он ждал на берегу, когда Василий вернёт ему его сковороды.

Вася, подойдя к нему и как бы невзначай спросил,

– Ты ли видел Бориса и Глеба перед битвой?

Дак, да, – ответил Пелгусий, однако увидя сомнения во взгляде Василия.

Пелгусий начал с жаром доказывать Василию истинность своего видения. Василий выдержал всего несколько минут пелгусиевской скороговорки, где речь часто прерывалась возгласами и решительными движениями рук.

– Я то тебе поверю, но проверить надо, не наваждение ли это было. Бесы, они знаешь какие хитрые. Надо к владыке идти, – поставил в известность аборигена Василий.

– Дык, так, я схожу. Да.

– А, ну если, сам сможешь-то, иди. Только когда дойдёшь-то? В следующую пятницу или к Рождеству, когда владыка всех, и убогих тоже благословляет, – ответил Вася.

Пелгусий после этих слов напрягся, он был вынужден признать, что собеседник был прав. Самому ему до владыки не добраться. Сначала нужно было обрисовать всё, что он видел своему попу, который в свою очередь доложит, если сочтет, нужным, владыке на первом же празднике, когда священники поздравляют владыку. Ранее Рождества никак не получается. Пелгусий молчал, обдумывая своё положение. Положение было-то не ахти, какое хорошее, это ведь сейчас князь ему поверил, а вот в Новгороде как? Если вдруг у владыки Спиридона сомнения возникнут, то Пелгусию грозил допрос со всеми вытекающими последствиями, а точнее свиданием с посадскими детьми – дознавателями – людьми, как известно не очень добрыми. Василий терпеливо ждал.

– Так помоги, – попросил Пелгусий.

– Хорошо, к владыке, вне очереди, проведу, но помоги и ты нам. Мы вино Владыке несем, люди нужны, дай своих сыновей, и наследующий день после возвращения владыку увидишь. Слово даю, на кресте клянусь.

Пелгусий, выслушав Василия, на слово ему не поверил, лишь, после того как Арсений подтвердил крепость клятв, позвал своих людей, приказал им бочки нести, под присмотром людей княжьих.

Сытые и довольные друзья не спеша, заняли свои места в середине полка и не торопясь, пошли вместе с войском в сторону Новгорода. С князем они встречались только на роздыхе, травили ему байки, – Чтоб князь от одиночества не озверел, – пояснял Василий. Так и шли спокойно, и размеренно до самого Волхова.

Подойдя к Волхову войско, было встречено детьми посадскими во главе с посадником Озарием Феофелактовичем, который в первой же беседе с князем осведомился, какая будет его доля, за то, что он долю новгородской казны в Новгород привезёт. Александр Ярославич отправил его выяснять этот вопрос к Гавриле Олексичу, Сбыславу Якуновичу и Миши Прушанину – знатным новгородцам, чем сильно огорчил посадника. После краткого совещания с гражданами Новгорода посадник, не солоно хлебавши, отбыл в Новгород готовить праздничную встречу войску. Перед прощанием он попросил князя, чтобы тот взял на день или два к себе в дружину его маленького сына, – «пусть малой потешится». Князь дал добро, а ватаж-

ники Миши Прушанина быстро взявши под мышки посадника, посадили его в челн и дружно оттолкнули от берега. Попутный ветер наполнил парус, и было видно, как посадник на палубе стал устраивать себе место для отдыха.

23 июля 6748⁶² года от сотворения мира, в воскресенье, в день Мироносицы равноапостольной Марии Магдалины, победоносное новгородское войско, отягощённое добычей и вразумлениями княжескими, молча стояло на тожественном молебне, на площади возле храма во имя святой Софии Премудрости Божьей, внимая словам Владыки Спиридона, о добродетели и призрении к страждущим, больным, и нищим. Там не было только дружины Никиты Захарьевича, что из Кучковичей, как и когда он вернулся в Новгород никому доподлинно не известно. Известно лишь то, что на следующий день он пришёл к Владыке за благословлением и с просьбой, все-таки выделить ему вдовью часть добычи.

После благословления воины чинно разошлось по домам, где их ждали с добычей, богатыми подарками, близкие и родные. Новгород казалось, вымер, улицы опустели, на Торгу закрылись лавки, лишь ближе к вечеру неясный гул с Прусской улице возвестил Владыку и князя о том, что началось гуляние. Прусский конец пошёл на Славну за своей, честно награбленной у шведов, долей хабара.

Владыка приказал закрыть ворота своего двора, что бы не в меру ретивые правдоискатели не беспокоили его и князя. Друзья, справедливо рассудили, что возвращение домой через буйный Новгород может негативно сказаться на их здоровье, поэтому решили остаться. Тем более, что владыка уже распорядился готовить мыленку. Несколько омрачило их радостное возвращение распоряжение владыки о передаче половины добычи в пользу софийского дома. Отворив окно, они с грустью наблюдали как владычьи отроки, суетясь и мешая друг другу, толкали перед собой бочку с драгоценным вином. Их грусть длилась не долго, владыка всё-таки был человеком и поэтому любопытен, ему, как и нашим друзьям не терпелось узнать вкус вина из далёкого города Кагор, как только бочка оказалась на его кухне, он приказал её вскрыть. Вино подали в шести кувшинах по кувшину на душу. Получив благословление от Спиридона, все чинно расселись за столом в ожидании горячего, потом, немного заморив червячка, вся компания отправилась в мыленку, где и задержалась часа на три. Отрок купаться отказался, он объяснил свой отказ тем, что не по чину ему слуге, оруженосцу принимать омовение в компании сеньоров – рыцарей. В ответ князь махнул рукой, давая понять, – делай, что хочешь. Снял исподнее, он поднялся на верхний полок, там, где было пожарче. Вся троица, последовала его примеру, ворча от удовольствия, расположилась на полках и отказалась сходить вниз даже за квасом. Отроки владычьи совсем выбились из сил, обслуживая привередливых гостей требующих: то кваса, то воды, то мёда с сухарями, то киселя ягодного. После бани, праздник души и тела был продолжен в светелке владычьего терема, где на столе томились в ожидании дорогих гостей горячие блюда. Измученные походной жизнью друзья молча ели и ели, лишь через два часа, напряжённого труда утомлённые отодвинулись от стола и на нетвёрдых ногах отправились спать. На беседы и байки сил не осталось. Утром, после службы, когда друзья собирались отправиться, наконец-то, по домам владыка неожиданно попросил их остаться.

–Сегодня делёж будет, ваши руки нужны будут, может вразумлять, кого придётся,– пояснил Владыка.

Так как народу должно придти много, то князь решил провести делёж, не в тереме епископа Никиты, а на паперти святой Софии. Кроме того, выбирая место для проведения дележа добычи, князь и владыка Спиридон учитывали, что на вечернюю площадь, расположенную возле Николы захотят придти все. И собираться новгородцы на вече будут по старинному новгородскому обычаю дня два или три. Ведь гражданам надо, представителей от улицы на вече послать. С кончанским представителем, выбранным годом ранее, представлявшим интересы улицы на

⁶² Т.е в .1240г.

вечером собрания, разобраться. Как он там, на вече интересы улицы в течение года отстаивал? За грешки прошлогодние, связанные с очисткой улиц от снега и их ремонтом. Кое-где новых представителей выбрать, а старым путь указать. Посаднику наказ дать и конечно с уличанскими попами согласовать новые выборные кандидатуры. Безусловно, политическая жизнь без главного аргумента новгородской демократии – грубой силы, выраженной в здоровых детях посадничьих, которые всегда готовы заехать кулаком в ухо всякому политическому противнику была бы пресна, и неинтересна. Поэтому совершенно естественно, что после сборов на вече многие граждане шли на правёж к епископу или к лекарю, наиболее активных свозили на Петрово кладбище, что на Синичьей горе, для погребения. Монахи Петровского монастыря кроме функций связанной непосредственно с упокоением души усопшего взяли на себя ответственность за охрану могилы политического деятеля, от мести его политических противников. Новгород, за сотни лет уже как-то свyksя с бурной демократической жизнью, по-видимому, решив, пусть уж лучше за дело головы проламывают, чем ночью на улице с кистенём стоят.

К полудню все собрались. С каждой улицы пришли по два представителя, городские концы представляли кончанские старосты, по одному с конца. Посадник, Озарий пришел один, походил вокруг собора, потом занял своё место, и благостно махнул рукой как бы говоря, – начинайте.

Миша Прушанин с большой шишкой на лбу, которая свидетельствовала о неудачном вчерашнем походе на Славну за справедливым хабаром, первым начал вопрошать князя и владыку, – «где его честная доля»?!. Причём его честную долю необходимо ему дать, отобрав у всех остальных, незаслуженно награбленное добро.

Он, уже войдя в раж, начал размахивать руками, как вдруг осекся, увидев рядом с собой Никиту Захарьевича. Никита Захарьевича сложил рукой фигуру известную под именем кукишь, и показал её Мише со словами,

– Накося выкуси.

Миша как-то осёкся и отступил в дальний угол, бормоча, что-то про Божью справедливость и, что он ещё ему покажет. Как не странно, но Гаврила Олексич и Сбыслав Якунович поддержали Мишаню, правда, немного не так как Миша рассчитывал. Они исходили из своих глубоко корыстных интересов. Лучше уж отдать Мише его – мишину долю из городской казны, чем себя обделять, отдавая из своей доли, во имя призрачной справедливости, которую, если быть в конец честным, никто кроме Владыки и не видел. Посадник, выслушивая крамольные речи правдолюбивых бояр начал волноваться. Озарий казной делится, не хотел, ему мытникам платить надо было, и улицы мостить. Денег же, как обычно на городское хозяйство не хватало. Пришлось ему взять слово и напомнить, что в прошлом году отремонтировали водопровод на Торгу, которым пользуются все, и с тех пор городская казна пребывала в дефиците. Бояре возражали, справедливо указывая, что вопрос о водопроводе решается на вече, а тут не вече, тут делёж. Когда перебранка между посадником и детьми посадскими по вопросу финансирования городского бюджета достигла высшей точки, Владыка спросил,

– Что скажешь княже?

Александр дождался, когда стихнут вопрошающие вопли посадских глоток, сказал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.